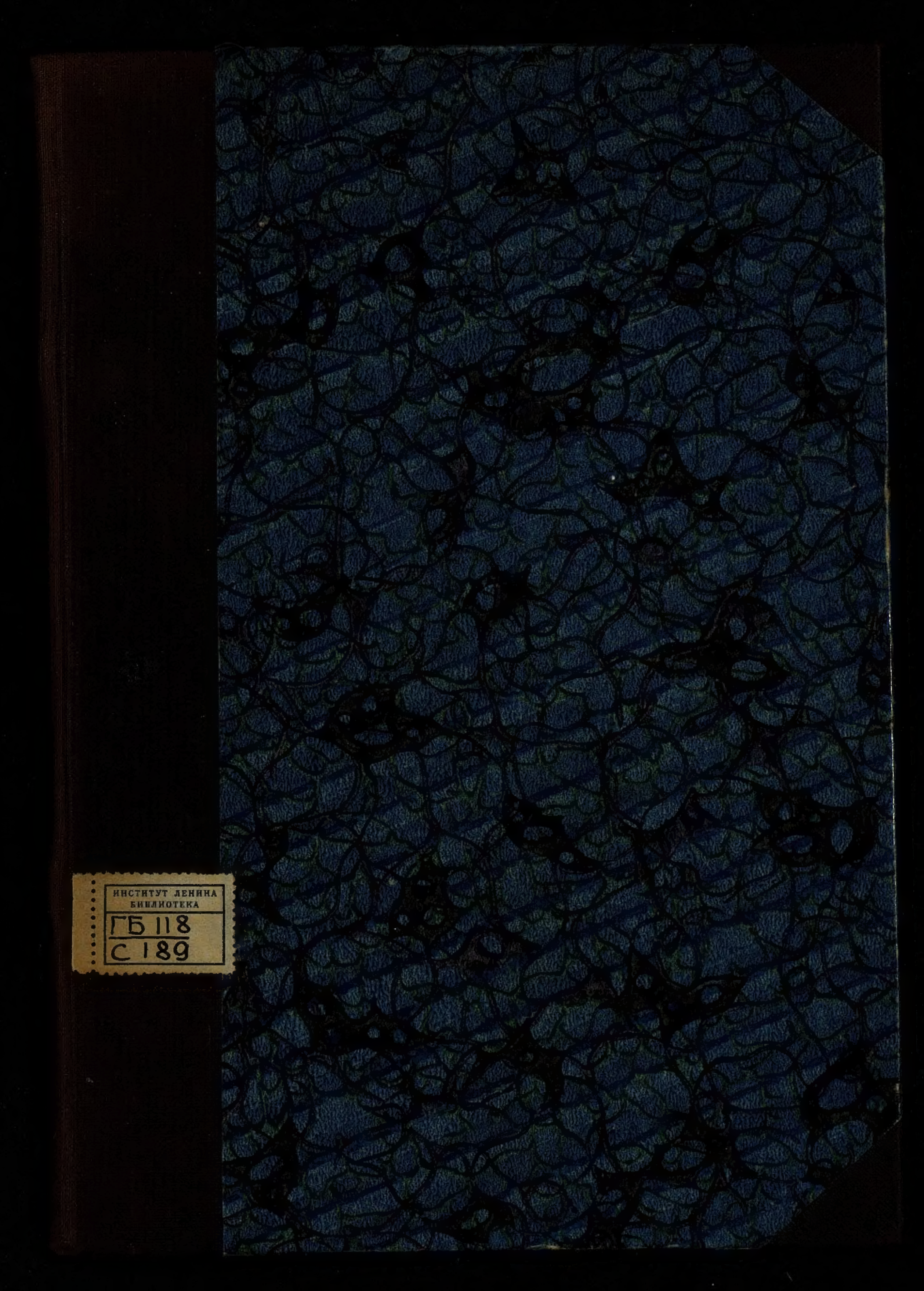

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ГБ 118
С 189

Отпечатано на правахъ рукописи.

САМОДЕРЖАВІЕ.

(ОПЫТЪ СХЕМАТИЧЕСКАГО ПОСТРОЕНІЯ ЭТОГО ПОНЯТІЯ).

Д. Х.

Римъ. 1899 г.

МОСКВА.
Типо-литографія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. Пименовская ул., соб. д.
1903.

На правахъ рукописи.

САМОДЕРЖАВІЕ.

(ОПЫТЪ СХЕМАТИЧЕСКАГО ПОСТРОЕНІЯ ЭТОГО ПОНЯТІЯ).

Д. Х.

Римъ. 1899 г.

МОСКВА.
Типо-литографія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. Пименовская ул., соб. д.
1903.

Дозволено цензурою. Москва, 24 сентября 1903 года.

(Римъ. 1899 г.).

САМОДЕРЖАВІЕ.

(Опытъ схематическаго построенія этого понятія).

Въ теченіе всей исторіи человѣчества невидимое и неразлучное съ нимъ сознаніе будущей жизни было въ постоянномъ состязаніи съ вещами видимаго міра (Гладстонъ, цитируемый „Московскимъ Сборникомъ" К. Побѣдоносцева).

Во всей Европѣ существуетъ только одинъ народъ, для котораго не порвалась нить, связавшая земное съ небеснымъ, котораго взоры сами собою безпрестанно обращаются къ верху (Пис. Ю. Ѳ. Самарина къ А. О. Смирновой).

Aber nach oben hin will er gar nicht frei sein, er will vielmehr beherscht werden: er liebt das Regiment des Hausherrn und Vaters, des Starosten, des Zaares. Von dem was über ihn steht verlangt er geradezu Strenge und Entschiedenheit. Aber von festen gezetzen, von todten einseitigen Constitutionen will er nicht regiert werden; er liebt die menschliche Willkühr, einen Persönlichen Zaar will er, durch nichts eingeschränkt, weder durch geschriebene Gesetze, noch durch Stände. Haxthausen, üb. Russland 3. 148.

Т. к. нормальное отношеніе... предполагаетъ полную независимость лица (Князя) и полную его связь съ свободнымъ обществомъ то очевидно—оно осуществляется только при сильномъ и цѣльномъ обществѣ, иначе лицо изъ свободнаго переходитъ въ произвольное (А. С. Хомяковъ, пис. къ Самарину).

Имъ же нѣсть совѣта—падутъ яко листвіи; спасеніе же во мнозѣ совѣтѣ. Соломонъ; Притчи.

Было время, когда Русь жила прирожденными ей началами, проявляя ихъ во всемъ ея строѣ, но не задаваясь логическимъ ихъ формулированіемъ или тѣмъ менѣе оправданіемъ ихъ «отъ разума».

Времена измѣнились, и теперь стало необходимымъ выяснить себѣ наши начала, доказывать себѣ самимъ, что наши

начала отличны отъ иноземныхъ; нѣкоторые, не довольствуясь этимъ, хотятъ доказать, что они даже лучше иноземныхъ; и что только мы одни счастливы, имѣя таковыя; тогда какъ всѣ другіе народы будто бы бѣдствуютъ гражданственно и общественно, потому что держатся началъ иныхъ.

Дѣйствительно—для нашей т. н. образованной среды, оторванной Петровской дубинкой и Екатерининскими чарами отъ непосредственнаго общенія съ народною жизнью, но все-таки, къ счастію, не вполнѣ переродившейся въ Европейскую, благодаря устойчивости вѣками наслѣдственно сложившагося склада ума ея членовъ, такого рода аналитическое исканіе утраченнаго живого синтеза жизни является не только законнымъ, но и вполнѣ желательнымъ.

Начало стремленію уразумѣть и выяснить *сущность основъ Русской народности* положили въ сороковыхъ годахъ тѣ Московскіе мыслители, которыхъ можно опредѣлить названіемъ сотрудниковъ «Русской Бесѣды» [1]). Они работали надъ своей задачей не только умомъ, но, такъ сказать, цѣлостію духа, прежде всего живя тѣми началами, которымъ затѣмъ уже старались найти точное, обоснованное научно и разумно, выраженіе въ словѣ. Иначе—они живому для нихъ началу старались придать стройное систематическое выраженіе и тѣмъ какъ бы стремились довершить многовѣковый процессъ Русскаго духа, возводя его на степень яснаго самосознанія, недостатокъ коего составлялъ главный пробѣлъ культурной жизни допетровской Россіи; что, по мнѣнію А. С. Хомякова, значительно облегчило дѣло Реформатора.

Время, въ которое они дѣлали свое дѣло, было тяжелое для Русской мысли въ отношеніи возможности ея свободнаго

---

[1]). Хотя ею только завершилось ихъ совмѣстная дѣятельность, начавшаяся гораздо раньше.

выраженія; но оно оказалось благодѣтельнымъ для сосредоточенія этой самой мысли на ея основныхъ положеніяхъ, такъ какъ не увлекало соблазномъ т. н. практической дѣятельности, въ то время возможной лишь въ очень односторонней формѣ— службы, или строго подцензурной печати[1]).

Съ 60-хъ годовъ внезапно подломились всѣ устои того строя общественной жизни, который сложился на почвѣ Петровскихъ реформъ. Жизнь, подавляемая 150 лѣтъ искусственными порядками, заведенными подражаніемъ Европѣ, но пережившими свои западные первообразы, внезапно вырвалась наружу; и, какъ неудержимый и никѣмъ не направленный потокъ, унесла въ своемъ разливѣ всѣ понятія полусознательныя, полупривычныя, которыми пробавлялось т. н. общество въ эпоху доэмансипаціонную. Русскія начала, выработанныя въ систему дѣятелями «Р. Бесѣды», вмѣстѣ со всякими другими, были подхвачены потокомъ событій и стали носиться на поверхности хаотическихъ волнъ въ видѣ обрывковъ. Тѣ же, которые вылавливали ихъ изъ этого «потопа мысленнаго», благодушно перемѣшивали ихъ съ понятіями совершенно разнородными (тоже вылавливаемыми отрывочно) и составляли такимъ образомъ нѣчто не то русское, не то западное, въ которомъ по большей части русскіе кусочки склеивались цементомъ вовсе не русскихъ понятій и представленій. Додумываться же до уясненія началъ было въ то время трудно, особенно для поколѣній, не сложившихся въ суровый предшествовавшій періодъ, такъ какъ круговоротъ внѣшнихъ явленій жизни, во всѣхъ ея изгибахъ, прорвавшейся на сравнительную свободу послѣ 60-го года, дѣйствительно не давалъ сосредоточиваться даже сильнымъ умамъ. Одинъ Ив. С. Акса-

[1]) Въ 50-хъ годахъ, кончая 60-мъ годомъ, послѣдовательно сошли въ могилу главные основатели Русскаго направленія. Въ этомъ же году прекратилась и „Русская Бесѣда“.

ковъ, съ его неутомимой и истинно-подвижническою дѣятельностью на почвѣ публицистики, сколько-нибудь спасалъ отъ совершеннаго потопленія традиціи того направленія, котораго онъ былъ наслѣдственнымъ провозвѣстникомъ. Его поэтически цѣлостное міровоззрѣніе оказалось во многомъ послѣдовательнѣе и ближе къ основному, чѣмъ даже то, которое старался къ жизни примѣнить, логически закаленный Ю. Ѳ. Самаринъ [1]. И. С. Аксаковъ не поддался практическому увлеченію, тогда какъ Самаринъ пожелалъ сдѣлаться *дѣятелемъ* на новой, зыбкой почвѣ и не всегда умѣлъ удержать всю внутреннюю цѣлость направленія, въ выработкѣ коего принималъ не послѣднее участіе. Но если такой сильный и выработанный умъ, какъ Самаринскій, не остался вполнѣ вѣренъ себѣ, придя въ прикосновеніе съ новыми требованіями жизни, то не удивительно, что люди менѣе его живо и глубоко понимавшіе русское направленіе и недодуманно уцѣпившіеся за него, какъ за спасительный якорь отъ всяческаго западнаго зла (Катковъ и его послѣдователи), совсѣмъ спутали многое, вполнѣ ясно выработанное и выясненное (quoad systemam) «Русской Бесѣдой» [2], и на мѣсто ихъ выдвинули сомнительнаго происхожденія суррогаты, не замѣчая подъ Русскими названіями ихъ заморскаго происхожденія [3].

Такимъ образомъ рядомъ съ настоящимъ Русскимъ направленіемъ, которое точнѣе можно назвать православно—рус-

---

[1]) Надо искать причины нѣкоей раздвоенности въ дѣятельности послѣднихъ лѣтъ жизни Ю. Ѳ. С. въ тяжелыхъ испытаніяхъ, перенесенныхъ имъ въ Редак. Комиссіи по освобожденію. Уступки, сдѣланныя имъ тамъ, наложили на него печать совершенно не свойственной ему „практичности“. Практичность опасная почва для того, кто созданъ быть мыслителемъ. Ср. характеристику Ю. Ѳ—ча въ письмѣ о философіи А. С. Хомякова.

[2]) Подъ „Русской Бесѣдой“ я подразумѣваю направленіе, а не самый журналъ.

[3]) Г. П. Данилевскій (Россія и Европа) относится къ числу таковыхъ. Блестящій естествовѣдъ, онъ захотѣлъ перенести пріемы своей науки въ область ей чуждую; и причинилъ этимъ т. н. славянофильству, къ которому его не безъ основанія причисляли, скорѣе вредъ, чѣмъ пользу.

скимъ, появились двѣ новыхъ Русскихъ партіи (sic). Русскихъ государственниковъ и Русскихъ народниковъ, которыхъ постоянно смѣшиваютъ, не вникающіе въ суть вопросовъ, съ т. н. «Славянофильствомъ», т.-е. съ православно-русскимъ направленіемъ, тогда какъ они далеко отъ него отходятъ и едва ли даже съ нимъ примиримы «по существу».

Въ настоящее время особенно настойчиво и упорно проводится нѣкоторыми «патріотами» ученіе о томъ, что основнымъ началомъ, краеугольемъ Русской жизни есть «де» [1]) Самодержавіе, какъ «творческое» начало бывшаго, настоящаго и будущаго развитія нашего. Изъ такого воззрѣнія естественно получается то представленіе, что все, что съ Самодержавіемъ не согласно, само по себѣ дрянно и вредно и не только у насъ, но и во всемъ мірѣ; и что практически даже (детально), оно есть самая совершенная форма правленія, какую только можно себѣ представить: не даромъ оно—богодаровано. Для подтвержденія такого взгляда приводятся всяческіе факты парламентскихъ безобразій; парламентаризмъ, созданный, де, людьми изъ похотливости властолюбія, клеймится, какъ абсолютное зло [2]); но при этомъ почти всѣ фактическія доказательства почерпаются изъ практики тѣхъ странъ, въ которыхъ парламентаризмъ привитъ искусственно; и очень рѣдко изъ практики тѣхъ странъ, которымъ онъ свой, т.-е. Англіи и ея колоній.

Если бы противники Самодержавія могли обнародовать у насъ сборникъ различныхъ фактовъ отрицательнаго свойства изъ исторіи нашего правительства и таковой же западнаго абсолютизма, который наши защитники Самодержавія очень наивно смѣшиваютъ съ Самодержавіемъ русскимъ, тогда вѣроятно взаимныя обвиненія сторонниковъ обоихъ подрядковъ

---

[1]) Спасибо М. Н. Каткову, этому великому мастеру и знатоку Русскаго языка за введеніе этой драгоцѣнной частицы въ литературный обиходъ.

[2]) Монархическій или республиканскій парламентаризмъ — одно.

на столько уравновѣсили бы другъ друга, что пришлось бы невольно опять перейти отъ полемики анекдотической къ принципіальному обоснованію своихъ взаимно-противоположныхъ положеній. Открытыя безобразія европейскаго парламентаризма найдутъ себѣ, навѣрное, параллельныя явленія въ скрытыхъ «изнанкахъ» самодержавнаго порядка; и этимъ путемъ едва ли мы не придемъ къ простому признанію в. завѣтнаго положенія—«всякъ человѣкъ—ложь» и н. завѣтнаго ученія—«міръ во злѣ лежитъ». Несомнѣнно, что есть много безобразій, свойственныхъ той и другой формѣ; но позволительно думать, что, количественно, *заурядныхъ* злоупотребленій будетъ меньше при правленіи конституціонномъ, т. к. за теченіемъ дѣлъ тамъ зорко слѣдятъ партіи для того, чтобы подсиживать одна другую. Конечно, такіе стимулы едва ли не развиваютъ «отрицательныя» нравственныя черты въ средахъ политиканствующихъ. Но тѣ темные происки, та безнаказанность зла, которыхъ, конечно, больше при единоличномъ правленіи, — тоже, вѣроятно, не способствуютъ къ улучшенію нравственныхъ качествъ лицъ, окружающихъ престолъ Самодержца; и такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, практическое превосходство этихъ порядковъ одно передъ другимъ останется вопросомъ. Собственно говоря, все въ дѣлахъ практическихъ хорошо или плохо смотря потому, какъ что къ дѣлу примѣняется. Тотъ же или другой внѣшній строй государственнаго зданія отличается одинъ отъ другого не прирожденными практическими преимуществами, а лишь какъ «симптомы того внутренняго строя, который присущъ тому или другому народу».

Самодержавіе (или единодержавіе) встрѣчается въ исторіи всѣхъ народовъ въ раннюю ихъ пору [1]); но оно постепенно

---

[1]) И оно, несомнѣнно, есть „эволюція“ начала „семейнаго главенства“, т.-е. той формы власти, при которой она является выразительницей въ одномъ лицѣ волевой функціи органически-собирательной человѣческой единицы, сна-

ослабѣваетъ, расшатывается и замѣняется другими усложненными формами государственнаго строя, по мѣрѣ того, какъ народы переходятъ отъ первобытной жизни къ той, въ которой матеріальные интересы богатства, могущества, чистой культурности и т. п. начинаютъ отстранять на второй планъ интересы такъ сказать «прирожденные» т.-е. вѣры и быта, на ней основаннаго [1]). Республиканскія формы развиваются преимущественно у тѣхъ народовъ, у которыхъ духовный интересъ наиболѣе слабъ; и если фактъ появленія римской имперіи какъ будто бы этому положенію противорѣчитъ, т. к. она явилась на почвѣ республиканской [2]), то это противорѣчіе только кажущееся. Римская Республика доросла до такихъ размѣровъ и составилась изъ такихъ разнородныхъ стихій, что появленіе въ ней единовластія было лишь результатомъ необходимости какъ-нибудь удержать, въ связи съ недостаточно сильнымъ центромъ, непомѣрно крупные члены, связанные съ Римомъ на живую нитку. Оттого римскіе императоры являютъ изъ себя не органическое, а утилитарное явленіе. Они преемственные диктаторы, появившіеся тогда, когда весь со-

---

чала семьи, потомъ рода—племени, потомъ народа. Самодержавіе есть олицетворенная воля народа, слѣдовательно, часть его духовнаго организма и потому сила служебная, зависящая, какъ въ отдѣльномъ индивидуумѣ воля, отъ совокупности всѣхъ психическихъ силъ единоличнаго индивидуума,—въ одномъ случаѣ, собирательно органической единицы—въ другомъ. Призваніе его состоитъ въ томъ, чтобы творить „не волю свою"; а выражая собою народъ съ его духовными требованіями и съ его особенностями, вести народъ по путямъ „имъ самимъ излюбленнымъ", а не „предначертывать ему измышленные" пути. Задача Самодержца состоитъ въ томъ, чтобы угадывать потребности народныя, а не перекраивать его по своимъ, хотя бы и „геніальнымъ" планамъ. Весь строй самодержавнаго правленія долженъ быть основанъ на прислушиваніи къ этимъ потребностямъ и къ тому, какъ народъ понимаетъ самъ средства удовлетворить ихъ; конечно, зорко слѣдя, чтобы на мѣсто народа не появлялось его „лжеподобіе".

[1]) Этому не противорѣчитъ „Самодержавіе" Хановъ, Султановъ и т. п. Эти властители дѣйствительно выражаютъ духовно-бытовой строй своихъ народовъ. Если духовный уровень ихъ не высокъ, то надо принять во вниманіе, что и „духъ" иногда понижается почти что до животной душевности.

[2]) Чѣмъ какъ бы извращается послѣдовательность извращенія.

ставъ республики сдѣлался колоссальной аномаліей, поддержать каковую можно было лишь тѣмъ средствомъ, которое въ древнемъ же Римѣ примѣнялось только въ минуты исключительной опасности. Опасность распаденія сдѣлалась хронической и она вызвала учрежденіе хроническаго диктаторства—имперіи [1]. Это кесарство римское обратилось со временемъ въ вѣчный идеалъ, къ которому «внутренне» стремится всякій властитель, могущій и не могущій его осуществить. Всякая иная власть королевская, царская и т. п. съ тѣхъ поръ кажется ужъ всегда не полной; ибо только Императорско-Римскій абсолютизмъ выражаетъ собою чистую идею ни чѣмъ не стѣсняемой, неограниченной власти, власти, почитающей себя «альфой и омегой всякой человѣческой дѣятельности», источникомъ благъ, эманаціей Божества. Римскіе императоры естественно должны были обожествляться; обожествляются также и всѣ ихъ подражатели и послѣдователи [2].

Оно есть въ сущности своей — обращеніе въ постоянную власти временной, власти полководца; власть котораго, дѣйствительно, есть таковая по преимуществу; и она для своего

---

[1] Императорство—не Самодержавіе, а его лжеподобіе. Оно, плодъ республики, выросло на почвѣ республиканской и есть выраженіе отчаившагося въ своемъ существованіи республиканства, но не отреченіе отъ него по существу. Изъ-за Императорства всегда выглядываетъ Республика, для которой оно временный хотя бы и очень продолжительный коррективъ. Оттого оно и *абсолютно* ибо оно есть только антиподъ народовластію: власть во всемъ стѣсняемая — власть ничѣмъ не стѣсняемая. Когда же власть появляется извнѣ, путемъ завоеванія, она также является абсолютной — власть силы. На Западѣ мы имѣемъ эти самыя формы власти: власть носимая самимъ народомъ — республика, власть переданная одному лицу на его произволъ—имперія; и—власть основанная на мечѣ. Эта послѣдняя легла въ основу Европейскихъ государствъ и „какъ абсолютная" вызвала противъ себя реакцію—„конституція, республика". Можно возразить противъ такого обобщенія завоевательнаго начала, указавъ на Св. Герм. Имперію. Но вся исторія Германіи основана на порабощеніи не Германскихъ аборигеновъ. Мы въ этомъ отношеніи стоимъ на точкѣ зрѣнія А. С. Хомякова, изложенной въ его Запискахъ о Вс. Исторіи.

[2] И прежде всего духовные императоры; Папы, именно съ тѣхъ поръ, какъ они приняли характеръ Императорства, въ замѣнъ исконнаго ихъ Дух. Самодержавія (въ 1870 г.).

проявленія требуетъ полнаго безволія подчиненнаго ей матеріала. Обращеніе ея изъ временной въ длительную и гражданскую, возможно только при «составномъ» характерѣ государства изъ частей, если не равныхъ каждая одна другой, то однако настолько сильныхъ, чтобы составлять порядочный противовѣсъ ядру государства. Оттуда у всѣхъ властителей по Римскому образцу есть неуклонное стремленіе образовывать такія государства, въ которыхъ основная, для нихъ «императивная» народность утопала бы въ разноплеменности призахваченнаго. Римскаго образца властитель считаетъ себя въ правѣ быть—и даже увѣряетъ себя, что онъ долженъ быть равно близкимъ всѣмъ разноплеменнымъ подданнымъ и они ему; а этого можно, конечно, достигнуть только посредствомъ «отрѣшенія себя отъ той зависимости отъ народа основного», которая такъ тягостна тому, кто Кесарству причастенъ [1]). Къ этому идеалу Римскаго Кесарскаго абсолютизма власть всегда стремилась на Западѣ [2]) и дошла до извѣстнаго афоризма «l'état c'est moi» [3]), которому вскорѣ противопоставили другой—«le peuple est souverain»; и тамъ до сихъ поръ борьба между двумя этими принципами (исклю-

[1]) Отъ этого увлеченія не спаслась и Англія. Послѣ упраздненія О.-Индской компаніи королева Викторія приняла титулъ Императрицы Индійской, несмотря на краснорѣчивый протестъ Гладстона, доказывавшаго, что титулъ, какъ всякое человѣческое слово, влечетъ за собою извѣстныя понятія, въ данномъ случаѣ нежелательныя. Заманчивость этого званія, дающаго только кажущійся призракъ абсолютизма англійскому вѣнценосцу, такъ велика, что Королева не могла никогда простить Гладстону его оппозиціи, и, извѣстно, какъ она наслаждалась, разыгравая дома, въ Англіи, властительницу 250 милліоновъ Индусовъ. Современный Имперіализмъ проявился въ Англіи съ особой силой во время Бурской войны. Англія для себя „самодержавна": парламентъ коллективный Самодержецъ; но она Императоръ для колоній и Индіи. Колоніи, постепенно получая автономію, дѣлаются сколками съ метрополіи.

[2]) Завоевательный характеръ всѣхъ государствъ Запада положилъ идею абсолютизма въ самую основу ихъ. Забавную иллюстрацію на тему „абсолютизма" даетъ примѣръ Сардинскаго короля Виктора Эммануила I, почитавшаго личное имущество подданныхъ ему принадлежащимъ (ср. Stillman, the Union of Italy 9),

[3]) Изложеніе эволюціи, предшествовавшей изреченію этой фразы Людовикомъ XIV, можно найти въ запискахъ кардинала de Retz.

чая Англіи, которую я не всегда подразумѣваю подъ собирательнымъ терминомъ Европа—Западъ) не улеглась и вѣроятно не уляжется, такъ какъ одна крайность непремѣнно вызываетъ другую. Петръ внесъ къ намъ тѣ западныя понятія о строѣ государства, которыя должны вызывать опасенія развитія идеи *народоправства* какъ протеста противъ нихъ. Этого древняя Россія не опасалась: Цари ея не считали себя «альфой и омегой» [1]); но по этому самому они и не считались съ «народовластіемъ». Они знали, что Царь и народъ едино; и поэтому между головой и членами государства была живая органическая связь, устранявшая всякую мысль о противовѣсахъ. Нужно было дикую Петровскую бурю, чтобы эту гармонію разрушить; но, къ счастію, прививъ ложныя понятія ближайшему и подручному сословію, онъ не успѣлъ исказить народныя понятія, благодаря чему даже имъ завершенный крѣпостной строй не могъ отнять у народа самаго дорогого залога его государственной мощи—полнаго довѣрія къ Царю, какъ къ тому, въ комъ онъ видитъ воплощеніе своего народнаго единства и органической внутренней связи.

Вся суть реформы Петра сводится къ одному [2])—*къ замѣнѣ Русскаго Самодержавія — абсолютизмомъ*. Самодержавіе, означавшее первоначально *единодержавіе*, становится, съ него Римо-Германскимъ *императорствомъ*.

Власть ради власти, автократорство ради самого себя, самодовлѣющее—вотъ чѣмъ Петръ и его преемники, а за ними ихъ современные апологеты, стремились замѣнить живое народное понятіе объ органическомъ строѣ государства, въ ко-

---

[1]) Выраженіе „Московскаго Сборника", изданнаго К. Побѣдоносцевымъ.

[2]) Подробности его реформъ, особенно въ техническихъ дѣлахъ, были вызываемы необходимостью, и ихъ не надо смѣшивать съ „сущностью" преобразованія, которая можетъ быть ему самому была не ясна. Онъ дѣлалъ то, что видѣлъ у другихъ. „Pierre avait le genie imitatif— il n'avait pas le vrai genie сказалъ объ немъ Руссо („Contrat Social").

торомъ Царь—глава, народъ—члены, требующіе для правильнаго дѣйствія своего «взаимодѣйствія» и «органической» связи; при наличности которыхъ «свобода» власти не исключаетъ зависимости отъ общихъ всему народному организму началъ; при наличности же ея свобода власти—не произволъ, а зависимость народа—не рабство.

Въ древней Россіи, когда государство расширялось на счетъ сосѣднихъ иноплеменниковъ, оно не измѣняло своему основному характеру Русскаго Царства, т.-е. не прилаживалось къ новопріобрѣтеннымъ подданнымъ (хотя бы таковые были и близки по народности, какъ напримѣръ М.-Россы), а оставляло ихъ въ положеніе народовъ подчинившихся, но не сдѣлавшихся равноправными въ смыслѣ окраски собою характера самого государства. Царь относился къ нимъ черезъ (т. с.) свой народъ, а не становился къ нимъ лицомъ къ лицу, ибо онъ былъ отъ своего народа неотдѣлимъ. Царь могъ принять подъ свою руку инородцевъ, но самъ оставался только русскимъ царемъ и т. п.

Но какъ только явилась и насадилась идея Императорства, носитель ея спѣшитъ стать въ непосредственныя отношенія, личныя, со всѣми входящими въ его Царство элементами и, тѣмъ самымъ дѣлаясь «всяческая для всѣхъ»; онъ сознательно перестаетъ быть «только Русскимъ Царемъ» иначе, онъ «эмансипируется отъ зависимости отъ духа Русскаго народа». Императору всѣ подданные одинаково дороги, т.-е. онъ одинаково близокъ и (одинаково далекъ) ото всѣхъ; ибо нельзя, не отрѣшившись вовсе отъ всякой спеціальной народности, быть единовременно національнымъ вождемъ какихъ-нибудь двадцати народовъ и народцевъ [1]). Но Императорство именно на этомъ

[1]) Полнѣйшій типъ такихъ властителей былъ Императоръ Адріанъ. На него очень смахиваетъ нашъ Александръ Павловичъ. Этотъ послѣдній болѣе драматичный, но менѣе утонченный образчикъ чистаго абсолютизма.

и стоитъ: оно паритъ надъ народами, которые ему подвластны, не живя жизнью того народа, который одинъ есть истинный создатель государства [1]), ему соимённаго, забывая, что оно только потому само существуетъ, что извѣстный народъ его въ себѣ зачалъ, (не какъ Императорство) подъ условіемъ того, что онъ будетъ крѣпокъ ему, его обычаямъ, понятіямъ, вѣрѣ. До сихъ поръ, у насъ, къ счастію, народъ еще не утратилъ вѣру въ царя, какъ православнаго царя, т.-е. царя русскаго по преимуществу; и только русскаго, слѣдовательно себѣ вполнѣ солидарнаго. Императорство народу непонятно, и если онъ слышитъ этотъ титулъ, то относитъ его къ числу риторическихъ амплификацій, подобно «Монархъ», слову, излюбленному нашимъ духовенствомъ и непонятному народу по чуждости звука, но безвредному по содержанію. Для того, чтобы Русскій Царь былъ дѣйствительно великимъ, надо, чтобы онъ полагалъ все свое величіе въ томъ, что онъ Русскій не по происхожденію только, а по духу и сознавалъ бы, что Ахиллесова пята императорства состоитъ именно въ томъ, въ чемъ его «adulatores» находятъ его величіе, т.-е. въ его отрѣшенности отъ народа—въ его *абсолютизмѣ*.

Исключительно практически-утилитарная подкладка не годна ни для какой высокой идеи; а *идея Самодержавія конечно очень высокая идея.* Русскому народу никогда не приходило въ голову

---

[1]) Лучшее средство для отрѣшенія себя отъ зависимости отъ основного народа въ государствѣ есть усиленная забота о разнонародныхъ и безнаціональныхъ окраинахъ, на которыхъ Императорская власть старается опираться какъ можно болѣе, дабы въ нихъ имѣть точку опоры при процесѣ отрѣшенія отъ центра. По мѣрѣ развитія Императорства въ Римѣ самъ Римъ все болѣе и болѣе утрачивалъ свое господствующее значеніе и кончилось—его совершеннымъ упадкомъ. У насъ процвѣтаніе окраинъ—въ связи съ началомъ Имперіализма, начавшаго съ того, что оно само перебралось на окраину; и теперешнее „оскуденіе центра“ несомнѣнно связано съ господствомъ имперіалистическаго идеала, отчасти сознательно, отчасти безсознательно присущаго имперіалистическому бюрократизму.

смотрѣть на Царя съ «исключительно» утилитарной точки зрѣнія. Если бы онъ ея держался, тогда, конечно, не долго бы на ней устоялъ и приложился бы къ Западу, гдѣ все сводится къ идеѣ простой пользы, осязаемой выгоды. Если бы народу стали доказывать, что при Единодержавіи все идетъ какъ нельзя лучше, то онъ бы отвѣтилъ исконными поговорками: «до Царя далеко», «Царь жалуетъ, а псарь не жалуетъ» и т. п., ясно доказывающими, что онъ трезво смотритъ на практическіе недостатки этой излюбленной имъ формы правленія: держится же онъ ея твердо, имѣя «слѣдовательно, къ тому причины высшаго свойства [1]).

Ошибка поклонниковъ Самодержавія римскаго типа (абсолютизма тожъ) и хулителей всѣхъ другихъ формъ состоитъ въ томъ, что они не признаютъ того существеннаго обстоятельства, что правительственная форма—не причина, а слѣдствіе, какъ и многія другія явленія въ общественномъ и государственномъ строѣ; хотя конечно, въ свою очередь, она воздѣйствуетъ на создавшую ее среду. Изъ всѣхъ внѣшнихъ проявленій народнаго пониманія различныхъ сторонъ жизни слагается *типъ* народа. Множество мелкихъ чертъ, характеризующихъ взглядъ народа на тѣ или другіе вопросы, выясняютъ такъ называемую народную психологію, отличая одинъ народъ отъ другого. Но изъ основныхъ политическихъ понятій, разнымъ народамъ свойственныхъ, едва ли есть другое, болѣе радиакльно отличающее народы другъ отъ друга, какъ понятіе о высшей власти. Міръ дѣлится въ этомъ отношеніи на двѣ половины: *Востокъ* и *Западъ*.

Тогда какъ весь Востокъ постоянно [2]) держится Самодер-

---

1) Ср. прим. въ концѣ.

2) Единственный намекъ на республиканскія тенденціи на Востокѣ заключается въ извѣстномъ разсказѣ Геродота о проектѣ введенія въ Персіи республиканскаго правленія послѣ сверженія Лже-Смердиса. Но самъ ученый из-

жавнаго принципа, весь Западъ стоитъ за форму ограничительную или прямо республиканскую, по временамъ переходящую въ *абсолютизмъ*, какъ его противоположеніе. Финикійцы первые явили у себя форму правленія сначала монархически ограниченную, затѣмъ чисто республиканскую. Финикійцы—грань Востока съ Западомъ: они замыкаютъ Востокъ въ самой Финикіи и начинаютъ Западъ въ Кареагенѣ. Всюду, куда Финикія проникла, туда она заносила и зачатки народоправства или чистаго, или, такъ сказать, конституціонной монархіи. Вся дѣятельность Финикіи была направлена на Западъ. Первый историческій шагъ Финикійцевъ былъ—переселеніе на берега Средиземнаго моря, съ береговъ Персидскаго залива; и затѣмъ уже не перестаетъ ихъ «Drang nach Westen» (въ противоположность Славянамъ, съ ихъ «Drang nach Osten»), который привелъ ихъ къ тому, что они своими факторіями захватили всѣ берега Европы, до глубинъ Балтики; и въ таинственныхъ Касситеридахъ они посѣяли сѣмена многихъ чертъ нынѣшней Англіи, этой въ «нѣкоторыхъ отношеніяхъ» современной Финикіи [1]). Въ чемъ же состоитъ сущность Финикійскаго государственнаго строя и культуры? Пророческія книги Ветхаго Завѣта, въ которыхъ перечисляются народы и дѣлается имъ характеристика, (особенно Іезекіиль) ясно обрисовываютъ своеобразный типъ Финикіи; и онъ сразу выдѣляется изъ всѣхъ современныхъ народовъ отличительной чертой: своимъ практически-матеріалистическимъ направленіемъ или пошибомъ. Въ то время, когда другіе народы сводили все, даже самое грубо-насильственное въ своей политической жизни, къ вѣрѣ,—у Финикійцевъ религія стояла на очень, сравнительно, невысокомъ положеніи и скорѣе подчинена была утилитарнымъ цѣлямъ,

---

датель Геродота, Раулинсонъ, думаетъ, что это ничто иное, какъ игра фантазіи „народоправнаго“ Еллина, какимъ былъ Геродотъ.

[1]) Но только въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ; и не самыхъ существенныхъ.

чѣмъ руководила жизнью народа. Хотя во внѣшнемъ культѣ нѣтъ слишкомъ рѣзкаго различія между Финикійцами и другими односемейными народами (конечно, исключая Израиля), но у Вавилонянъ и Ассирійцевъ божества выводили людей изъ грубо-матеріальной ежедневности, обращая ихъ взоры хотя бы къ звѣздамъ, какъ у Вавилонянъ [1]); тогда какъ у Финикійцевъ вѣра была просто поклоненіе тѣмъ интересамъ, которые они преслѣдовали во жизни. (Не даромъ Мелькарту поклонялись въ Тирѣ во образѣ громаднаго изумруда.) Они сдѣлали себѣ кумиромъ самый міръ съ его матеріальнымъ богатствомъ[2]). Какое бы ни было происхожденіе Мелькарта тирскаго, несомнѣнно, что онъ практически обратился въ генія торговли и былъ скорѣе символомъ этой народной страсти, чѣмъ настоящимъ сверхмірнымъ божествомъ.

Едва ли когда-либо существовалъ другой народъ историческій, который былъ бы до такой степени исключительно поглощенъ «погоней» за земными благами. Онъ является какой-то эссенціей матеріализма, такой ѣдкой, что куда онъ ни попадалъ—вытравить его духъ уже было нельзя [3]).

Въ этомъ народѣ зародилась и первая республиканская форма правленія. Хотя республика и была олигархическая, но тѣмъ не менѣе въ Финикіи, первой, эта форма правленія появляется первоначально въ видѣ ограниченной Монархіи, получившей болѣе республиканскій характеръ въ Карѳагенѣ [4]). Преобла-

[1]) Или побуждая Ассирійцевъ вести непрерывныя религіозныя войны во истребленіе чувственныхъ Сирійскихъ культовъ. Повидимому, Израиль поплатился Ассирійцамъ за наклонность къ „ашерамъ и высотамъ".

[2]) Подъ вліяніемъ Финикіи можетъ быть произошла въ Греціи матеріализація религіи. Грекъ сталъ поклоняться человѣческой красотѣ, какъ Финикіецъ, его учитель, въ своихъ богахъ поклонялся собственной предпріимчивости и ея продукту—наживѣ.

[3]) А. С. Хомяковъ въ „Зап. о Вс. Исторіи" называетъ Финикійцевъ—„народъ ничтожный по численности, но слѣды коего неизгладимы въ исторіи". Не въ такомъ же ли смыслѣ онъ понималъ ихъ значеніе?

[4]) Два суффета въ Карѳагенѣ; два царя въ Лакедемонѣ; два консула въ Римѣ. Видимая связь тутъ есть. Происхожденіе двухъ лакедемонскихъ царей

даніе земныхъ интересовъ надъ духовными; крайняя забота о благоустроеніи земной жизни политико-экономической, дальше которой совсѣмъ почти не старается проникнуть духовный взоръ человѣка,—вотъ отличительная черта Финикіи. Какъ будто бы Провидѣнію угодно было, чтобы изъ одного корня (колѣна Симова) вышли два народа, представляющіе собою крайніе полюсы: одинъ—высшаго духовнаго настроенія съ совершеннымъ отсутствіемъ всякаго государственнаго духа и способности къ государственной жизни; и другой—крайней матеріализаціи духа, съ утонченнымъ развитіемъ утилитарной гражданственности [1]). Финикійцы заселили своими факторіями берега всѣхъ извѣстныхъ тогда морей и тѣмъ самымъ осѣтили собою всю сѣверную Африку и Европу, такъ что народы, двигавшіеся внутри этой сѣти, вступали въ кругъ ихъ культурнаго вліянія, заимствуя у нихъ, какъ высоко культурныхъ людей, ихъ такъ называемую цивилизацію. Конечно, все вышесказанное — гипотеза, но она, кажется, за себя имѣетъ факты вѣскіе настолько, что ее нельзя почесть безосновательной. Но, излагая ее, какъ способъ объясненія факта основного различія государственно-политическаго міровоззрѣнія двухъ половинъ человѣчества, вовсе нѣтъ надобности слишкомъ на ней настаивать, такъ какъ дѣло идетъ главнымъ образомъ о пониманіи извѣстныхъ явленій, а не объ историческомъ ихъ «генезисѣ».

Внѣ вліянія финикійскаго въ Европѣ остались только Славяне, какъ наименѣе къ морю прилегавшее племя [2]), и Гер-

---

отъ двухъ претендентовъ на престолъ, не устраняетъ несомнѣнной искусственности этой формы ослабленія власти, чрезъ раздвоеніе ея.

[1]) Если держаться ученія, имѣющаго теперь не мало представителей, о составномъ характерѣ семитизма, то можно было бы почитать духовность Израиля поляризаціей въ семитизмѣ арійскаго начала; а матеріализмъ Финикіи — таковаго же начала хамизма. Въ самой Финикіи такая поляризація составныхъ частей усматривается, напримѣръ, Э. Бунзеномъ въ Тирѣ и Сидонѣ. (Ueber die Einheit der Religion).

[2]) Не были ли Славяне балтійскіе подъ вліяніемъ тоже Финикіи; чѣмъ объяснились бы ихъ отличительные отъ другихъ Славянъ черты.

манцы; и они одни сохранили свойственную всѣмъ народамъ не европейскимъ, если можно такъ сказать, патріархальность въ бытѣ и особенно въ политическихъ понятіяхъ своихъ [1]). Подъ словомъ патріархальность обыкновенно понимаютъ какую-то дѣтскость, происходящую отъ недостаточности развитія индивидуальнаго; но это, конечно, не вѣрно. Развѣ мы не видимъ на Востокѣ функціонированіе такъ называемыхъ патріархальныхъ формъ правленія на ряду съ большою культурностью народовъ, конечно не уступавшихъ культурностью народамъ западнымъ, имъ современнымъ или даже позднѣйшимъ? На самомъ Западѣ мы встрѣчаемъ въ семейномъ быту явленія болѣе патріархальнаго строя, чѣмъ, напр., у насъ; у которыхъ онъ, особенно въ культурномъ слоѣ, весьма слабъ. Это не доказываетъ вовсе, что западные люди менѣе насъ культурны. Патріархальность, какъ явствуетъ изъ самого слова, есть преобладаніе простыхъ, естественныхъ отношеній, въ противоположность условнымъ измышленіямъ, и она обусловливается тѣмъ, какъ настроенъ народъ по отношенію къ такому или иному вопросу своей организаціи. Если люди заняты каждый своимъ дѣломъ, которое они ставятъ выше интересовъ одного лишь «государственнаго благоустроенія», тогда они уживаются съ самыми простыми порядками, лишь бы имъ было свободно заниматься болѣе высокими или болѣе близкими имъ занятіями: художники, ученые и др. всего менѣе политиканствуютъ. Точно также всякій народъ, дорожащій вѣрой и истекающимъ изъ нея бытомъ, гораздо менѣе занимается построеніемъ политическихъ усложненныхъ порядковъ,

---

[1]) Но Германцы скоро перемѣшались съ Кельтами, повидимому раньше другихъ народовъ засѣвшихъ въ побережіяхъ Европы и Англіи (Бритты): они стремились на Западъ и подпали вліянію финикизированныхъ Кельтовъ; тогда какъ Славяне или удаляются отъ береговъ моря и сохраняютъ этимъ свою первобытность, или, оставаясь у моря, искажаются духовно и въ гражд. отношеніи тоже.

потому что онъ смотритъ поверхъ ихъ въ болѣе широкіе горизонты, такъ сказать, духовные. Но по мѣрѣ матеріализаціи духа горизонтъ этотъ все болѣе и болѣе суживается; и когда онъ уже не можетъ подняться выше интересовъ одного лишь земного благоустроенія, все вниманіе, весь интересъ онымъ поглощается; и начинается погоня за политическимъ идеаломъ, при которой уже не остается мѣста простотѣ, здоровой «топорности» первобытнаго патріархальнаго порядка вещей.

Пока у народа преобладаютъ интересы духовно-бытовые, онъ смотритъ на власть какъ на нѣчто, такъ сказать, служебное, имѣющее сравнительно узкую сферу—«поддержанія того порядка и той безопасности, при которыхъ можно жить безмятежно этими высшими интересами» [1]). При такомъ настроеніи народа князья, цари и всяческіе властители, являются для него носителеми бремени, которое лежитъ на всѣхъ, но которое, какъ бремя, пріятно спихнуть на другого; зато ему (этому другому) благодарность, почетъ, любовь со стороны народа, а народу свобода вѣры и быта, въ которыхъ выражается вся его духовная физіогномія. (Духовныя физіогноміи, какъ и физическія, не всегда красивы.)

Обыкновенно принято говорить, что западный человѣкъ отличается отъ восточнаго тѣмъ, что первый дѣятельнѣе, болѣе живетъ практическими интересами, а восточный «де» созерцательнѣе и посему коснѣетъ въ неподвижности, отличаясь тѣмъ отъ «прогрессивнаго Запада». Но въ чемъ же состоитъ внутреннее, существенное отличіе этого, такъ называемаго «коснѣнія» отъ дѣйствительнаго прогресса? Такъ называемый западный прогрессъ есть результатъ неустанной заботы запад-

1) „Пріидите княжить и володѣть нами", такъ говорили Славяне варяжескимъ князьямъ. „Мы тебѣ приказываемъ нами править", говорили Монголы, возводя на войлокъ ханскій пріемниковъ Чингиза.

наго человѣка подчинить себѣ, эксплуатировать, использовать тѣ силы чисто матеріальныя, которыя даютъ возможность достиженія наибольшаго земного благополучія. Земное благополучіе дѣйствительно его главный интересъ; и избравъ эту, сравнительно узкую (и по своей конкретности заманчивую) задачу, онъ въ ней достигаетъ тѣхъ необыкновенныхъ результатовъ, которые окружаютъ жизнь поразительнымъ блескомъ и какъ бы даютъ ему въ руки, по выраженію поэта, «громъ земли». Но именно этотъ «громъ земли» никогда не оглушалъ вполнѣ [1]) восточнаго человѣка, всегда понимавшаго, что есть интересы выше этой земной мишуры и что настоящая цѣль человѣка — это проявленіе внутренней свободы и охраненіе ея не столько отъ такъ называемой политической зависимости, сколько отъ *зависимости отъ поглощенія интересами политическими*, тѣмъ, что на Западѣ выражается словомъ «Цивилизація». Восточный человѣкъ искалъ Просвѣщенія, а западный — Цивилизаціи, т.-е. просвѣщенія же, но на почвѣ градостроительства, обращенія человѣка въ гражданина. Конечно, какъ все земное, эти два направленія не свободны отъ: одинъ — les défauts de ses qualités — Востокъ; а другой — les qualités de ses défauts — Западъ. Русскій человѣкъ отличается собственно и отъ Востока, и отъ Запада: онъ составляетъ гармоническое звено между двумя крайностями, не впадая въ коснѣніе перваго и не поддаваясь соблазну культуры, «поглощенной» земными цѣлями [2]). Русскій (и Слав.) народъ въ отношеніи духовномъ ближе стоитъ къ жителямъ разноплеменной Азіи, чѣмъ къ европейцамъ; но между Русскими

---

[1]) Хотя иногда увлекалъ.

[2]) Очень неточны слова „земныя цѣли“. Конечно и Русскій преслѣдуетъ земныя цѣли, такъ какъ вся жизнь человѣка отъ земли неотдѣлима. Надо было бы скорѣе сказать, что онъ не возводитъ земное въ культъ, что именно первые сдѣлали Финикійцы. См. выше. Употребляю однако это выраженіе, какъ усиливающее отличіе двухъ культуръ.

и азіатами (разноплеменными) глубокую черту разграниченія провело Христіанство: оно въ немъ просвѣтило такъ называемое созерцательное настроеніе, давъ ему болѣе высокій и болѣе конкретный идеалъ, и оно же избавило его отъ коснѣнія, несовмѣстимаго съ истиннымъ Христіанствомъ, не поработивъ однако погонѣ за исключительно внѣшнимъ прогрессомъ—по «стихіямъ міра»; вѣчная погоня за коими (для подчиненія ихъ себѣ) западнаго человѣка сводится въ сущности къ его порабощенію ими.

У людей восточныхъ вѣра въ «Промыслъ» [1]) всегда умѣряетъ погоню за земными благами и дѣлаетъ ихъ «нѣсколько» безразличными къ земному благоустроенію. Свобода быта и его ненарушимость болѣе интересуютъ, чѣмъ политическія комбинаціи, а бытъ (въ широкомъ смыслѣ) особенно дорогъ потому, что онъ—отраженіе строя другого, высшаго, идеальнаго міра. Даже безбожный [2]) Китаецъ гораздо болѣе интересуется тѣмъ, гдѣ онъ будетъ погребенъ, чѣмъ тѣмъ, гдѣ и какъ будетъ жить. Крайняя форма такого направленія выражается въ Буддизмѣ, жаждущемъ исключительно избавленія отъ бытія личнаго, и въ Египтѣ, который весь жилъ только вѣрой въ загробную жизнь. Но напрасно думать, что такое настроеніе препятствуетъ процвѣтанію внѣшнему народовъ и государствъ. Поименованные выше народы (и многіе другіе) доказываютъ ясно противное. Если Христіанское ученіе говоритъ, что все земное приложится ищущимъ прежде всего Царствія Божія, то безусловная истина сего изреченія не умаляется отъ того, что исканіе Царства Божьяго понимается не всѣми одинаково возвышенно. Земное благополучіе, сила общества, государства

---

1) Доходящая до апогея у Мусульманъ.

2) Говорятъ, что у Китайцевъ нѣтъ слова для выраженія понятія о Богѣ. Небо, есть высшее выраженіе для понятія о Промыслѣ, видимо безличномъ; но „безличность", въ нашемъ обиходномъ смыслѣ не есть еще доказательство непризнанія трансцендентальной личности въ божествѣ, безличномъ *только* въ нашемъ смыслѣ.

и частныхъ лицъ зависятъ отъ духовной основы единицъ собирательныхъ или единоличныхъ. Надо понимать «приложатся» не количественно, а качественно. Тамъ, гдѣ не преобладаетъ духовный строй, тамъ и количественныя богатства, могущество и т. п. не составляютъ истинныхъ благъ: ибо, обращаясь изъ придатка въ цѣль, они только еще болѣе вызываютъ погоню за собою и тѣмъ усиливаютъ чувство неудовлетворенности, а слѣдовательно и недостатка. Такова была судьба Финикіи и ею засиженной Европы. Конечно Европа количественно богаче Востока, съ Россіей включительно. Конечно ея богатства не умаляются, а растутъ: но увеличивается ли довольство—естественный результатъ, повидимому, накопленія богатствъ? «Вся зарылась въ грудахъ злата царица западныхъ морей», и нигдѣ, какъ въ Англіи, не сильна погоня за богатствомъ [1]), слѣдовательно неудовлетворенность достигнутымъ. Но, впрочемъ, упоминая объ Англіи, надо сдѣлать оговорку. Въ Англіи двѣ половины, два лица рѣзко другъ другу противоположныя. Она своего рода Янусъ: у нея есть лицо и изнанка, но, къ удивленію, ея изнанка, т.-е. подкладка, несравненно лучше ея казового лица: съ лицевой стороны она современный Тиръ или Сидонъ, увеличенные во сто кратъ; но ея изнанка, ея внутренный бытъ и, такъ сказать, сокровенный строй ничего общаго съ этою внѣшностью не имѣютъ и отличаются совершенно противоположными, истинно христіанскими достоинствами, которыя сидятъ въ ея финикійской внѣшней оболочкѣ, какъ сладкій плодъ въ шершавой, грубой, колючей шелухѣ. Здѣсь не мѣсто объяснять этотъ фактъ, но отмѣтить его надо, дабы избѣжать недоразумѣній, проистекающихъ отъ неточности.

Когда говоримъ о развитіи земныхъ интересовъ въ противуположеніе духовнымъ, то къ числу первыхъ нельзя отно-

---

[1]) Beggar, pauper, выраженія уничижительныя.

ситъ то, что подходитъ подъ категорію «личной грѣховности». Эта послѣдняя, конечно, всюду болѣе или менѣе равно распространена, потому что грѣхопаденіе коснулось одинаково всѣхъ потомковъ Адама. Мы говоримъ объ интересахъ идеальныхъ, которыми живетъ цѣлое общество; члены же его, конечно, каждый болѣе или менѣе близокъ или далекъ отъ ихъ осуществленія. Безкорыстныхъ людей на Западѣ, вѣроятно, не меньше, чѣмъ на Востокѣ; даже можетъ быть гораздо больше: но тѣмъ не менѣе весь строй Запада *матеріалистичный*, тогда какъ восточный, опять-таки обобщительно выражаясь, «идеалистичный». Крайняя забота о земномъ строѣ (государственность), о матеріальномъ развитіи, объ умноженіи силъ и средствъ для улучшенія именно этого строя, приносятъ, благодаря именно своей узкой конкретности, такіе блестящіе результаты, которыми ослѣпляются носители этого начала; и отчасти люди другого строя подпадаютъ вліянію первыхъ, именно потому, что видимая сила на ихъ сторонѣ. Говоря объ интересахъ духовныхъ, должно подразумѣвать всю совокупность того, что въ душѣ человѣка возвышается надъ исключительною привязанностью къ жизненному комфорту, начиная отъ комфорта личной обстановки и кончая заботами о комфортѣ общественно-государственномъ, въ устроеніи котораго каждому хочется отвести себѣ зиждительную роль, дабы обезпечить тотъ «порядокъ», которому придается абсолютное значеніе (такъ какъ мысль и чувство лишь слабо отзываются къ интересамъ другого, высшаго разряда). Весь строй Запада таковъ; даже западная церковность не избавлена отъ этой окраски. Хотя она и повторяетъ, что «Царство Мое не отъ міра сего», но на дѣлѣ видно, что «Царство отъ міра сего» все-таки играетъ въ ея глазахъ не послѣднюю роль, и во всякомъ случаѣ имѣетъ передъ другимъ царствомъ преимущество конкретности. Личная стяжательность или нестяжательность есть

явленіе не зависящее отъ духовнаго строя среды, къ которому принадлежитъ человѣкъ. Тамъ, гдѣ идеалъ высокій, человѣкъ поддающійся слабости погони за земнымъ, сознаетъ въ себѣ эту черту, какъ отрицательную, и на него смотрятъ какъ на нравственную аномалію [1]); но тамъ, гдѣ общественный идеалъ не заходитъ далеко за предѣлы видимаго міра, тамъ и личная нестяжательность (не скупость: Англичане, конечно, самый нескупой народъ въ мірѣ) получаетъ характеръ качества и доводится до степени общественной добродѣтели, какъ во Франціи (бережливость — épargne), обратившейся теперь въ одну огромную компанію для откладыванія сбереженій на банковую книжку; и на этомъ общемъ дѣлѣ объединившейся такъ крѣпко, какъ не могла она объединиться на почвѣ какого-либо высшаго начала [2]). Обращеніе народа въ ту или другую сторону есть симптомъ того настроенія, которое свойственно ему какъ результатъ его культурныхъ началъ.

Когда такимъ образомъ выясняется различіе между жизненными началами того или другого народа или цѣлыхъ половинъ человѣчества, тогда открываются и основы ихъ общественнаго и государственнаго міровоззрѣнія, переводящія въ дѣло то, что сокрыто въ глубинѣ народнаго духа. Примѣръ для поясненія: несомнѣнно, что первые христіане на Западѣ были не менѣе высоки въ духовномъ отношеніи, чѣмъ таковые же на Востокѣ, и такъ же равнодушны ко всему земному. Можетъ быть, даже люди еллино-римской культуры, благодаря большему развитію въ нихъ начала индивидуальнаго, доводили свои личныя качества до высшей степени совершенства. Но уже первыя христіанскія общества западнаго строя все

---

1) Русскіе крестьяне привѣтствуютъ обыкновенно завѣдомыхъ скопидомовъ, въ память Іуды, пожеланіемъ покончить, какъ онъ.

2) Въ этой чертѣ характера Французовъ заключается и мѣрило благонадежности союза съ Франціей. „Не вѣрю я Француза дружбѣ", сказалъ Пушкинъ.

болѣе и болѣе склоняются къ введенію въ свою практику началъ, свойственныхъ средѣ, въ которой они образовались [1]), а Христіанскія государства, завершившія развитіе христіанскаго Запада, уже вовсе окрашиваются духомъ народовъ, въ которыхъ они сложились. Еще I. de Maistre [2]) признавалъ основное различіе двухъ міровъ — Западнаго и Восточнаго — по отношенію къ власти; но онъ не понимаетъ его настоящаго основанія. Онъ думаетъ, что племя Яфета (западный міръ) искони тяготилось избыточествующею властью надъ собою и всегда стремилось положить ей ограничительные предѣлы; тогда какъ племена Сима и Хама (Русскіе, вѣроятно, по de Maistre'у, происходятъ отъ послѣдняго) говорятъ власти: «дѣлай какъ хочешь; когда ты намъ однако надоѣшь, мы тебя попросту зарѣжемъ—и разговору конецъ». Но вѣдь такое этнографическое дѣленіе возможно было только сто лѣтъ назадъ: къ арійскому корню принадлежатъ и азіатскіе индоевропейцы; и однако именно такъ разсуждаютъ относительно власти всѣ не офиникіевшіеся Арійцы, только (по крайней мѣрѣ Славяне) съ устраненіемъ заключительной угрозы. Ясно, что здѣсь дѣло не въ происхожденіи, а въ томъ духовномъ строѣ, который живетъ въ томъ или въ другомъ народѣ. Корень всему лежитъ въ исконномъ настроеніи этихъ народовъ. Тѣ, у которыхъ ихъ языческое вѣрованіе замѣнило идею Бога, творца всеміірнаго, божествами, такъ сказать, земными (начиная съ Грековъ), тѣ народы перенесли и центръ тяжести своихъ интересовъ на землю съ ея принадлежностями. Когда сами боги гравитируютъ вокругъ земли, то

---

1) Богатство римской церкви давало ея епископамъ большое значеніе еще до Константина. Легенда о „дарѣ Константина" выросла вѣроятно на той же почвѣ. Очень сильны были и александрійскіе епископы, но не богатствомъ, а вліяніемъ. Прозвище, дававшееся имъ — Фараоны — могущіе не допустить хлѣбъ въ Константинополь, относится именно къ вліянію, а не богатству.

2) du Pape.

понятно, что земля—планета дѣлается альфой и омегой человѣческаго интереса: ея благоустроеніе, ея украшеніе, строй жизни на ней дѣлается единственнымъ, во что человѣкъ кладетъ душу свою; и, если онъ не сразу упраздняетъ весь высшій міръ и можетъ быть (особенно въ христіанскихъ обществахъ) никогда не доходитъ до совершеннаго его отрицанія, то во всякомъ случаѣ этотъ неземной міръ получаетъ въ его глазахъ характеръ очень туманный, а въ христіанствѣ западномъ—какой-то вдобавокъ мрачно-ужасательный, для борьбы съ каковымъ, съ его суровостью, еле-еле довлѣетъ все могущество церкви и ея главы, вооруженнаго палліативными средствами для смягченія строгости христіанскихъ Миносовъ и Радамантовъ[1]). Въ томъ или другомъ видѣ міръ неземной теряетъ постепенно свой преобладающій интересъ, и потому забота объ ономъ сводится къ возможному минимуму въ ежедневномъ обиходѣ. Земныя заботы, устроеніе града земного[2]) — вотъ чѣмъ исчерпывается (опять таки схематически) интересъ Западнаго человѣка, тогда какъ люди другой цивилизаціи (если даже у нихъ забота о градѣ небесномъ не всегда очень активна) все-таки не могутъ себя заставить придавать «интересъ исключительный» этому земному градостроительству; и скорѣе даже сходятъ на апатичное отношеніе къ обоимъ. Но все-таки въ это послѣднее градостроительство Востокъ никакъ душу свою не можетъ втѣснить «всецѣло». Если для людей одинъ интересъ взялъ верхъ надъ другимъ (а это неизбѣжно, ибо двухъ *равныхъ* интересовъ, высшихъ, быть у человѣка не можетъ: нельзя служить Богу и Мамонѣ),

---

¹) Очень любопытно замѣчаніе Пальмера (W. Palmer) о существенномъ различіи въ воззрѣніяхъ на загробное состояніе душъ между восточн. и западн. церквами, выражающееся въ богослуженіи и даже въ надгробныхъ надписяхъ. Итальянцы о покойникахъ всегда употребляютъ выраженіе „il povero".

²) Бл. Августинъ написалъ „De Civ. Dei" съ тѣмъ м. б., чтобы отвлечь вниманіе западныхъ людей отъ исключительной заботы о градѣ земномъ, который тогда такъ обуревался.

то ихъ воззрѣнія и выражающая ихъ жизнь окрасятся неизбѣжно преобладающимъ интересомъ. Если преобладаетъ интересъ земной жизни,—все будетъ ему подчинено; все вниманіе будетъ поглощено комбинаціями гражданскихъ построеній, которыми будутъ заняты отъ мала до велика всѣ, тогда какъ дѣла духа, относящіяся къ области очень удаленной [1]), неотрицаемой правда, но не захватывающей, т. е., каждой минуты жизни,—все болѣе и болѣе передаются въ вѣдѣніе особыхъ спеціалистовъ съ оберъ-спеціалистомъ во главѣ, отъ которыхъ требуется только одно: чтобы при наименьшемъ объ нихъ думаніи можно было достигнуть наибольшаго обезпеченія противъ возможныхъ въ возможной загробной жизни претыканій. Оттуда тонкая разработка въ католицизмѣ римскомъ *формальныхъ* требованій по адресу загробности. Это—страховой уставъ: «занимайся, душа, міромъ и его прелестями, но не забудь уплатить страховой преміи, и тогда тебѣ не объ чемъ слишкомъ безпокоиться (или *почти* не о чемъ, ибо все-таки остается небольшой пробѣлъ, который человѣкъ долженъ пополнить личнымъ подвигомъ). По Евангелію, «Царствіе Божіе нудится». На Западѣ механическое содѣйствіе къ нуженію, устроенное техниками по духовнымъ дѣламъ, доводится въ одномъ случаѣ до такого совершенства, что потребность въ душевномъ участіи въ дѣлѣ спасенія становится минимальной, а въ другомъ упрощается отрицаніемъ значенія добрыхъ дѣлъ [2]). Такое положе-

---

[1]) Важно уяснить, что эти интересы духа, кульминирующіе въ идеѣ безсмертія, вовсе не всегда „чисто духовны". Напримѣръ, привязанность къ быту, интересу внѣшнему, и слѣдовательно, въ сущности не духовному, духовна сама по себѣ, потому что, будучи не утилитарна, удовлетворяетъ потребности идеи, всегда имѣющей свое начало въ области вѣры, постепенно м. б. забытой, но не дающей обычаю, какъ своему проявленію, утрачивать духовное значеніе. Крѣпки общества, имѣющія привязанность къ *обычаю*, и слабы тѣ, которыя (въ родѣ нашего) относятся къ нему, какъ къ признаку неразвитости. Ослабленіе духа народнаго выражается прежде всего въ ослабленіи обычая стараго, безъ нарожденія новаго.

[2]) Ученіе Кальвина о спасеніи „безъ дѣлъ" еще болѣе на руку такому от-

ніе вещей возможно, явно, только тогда, когда душа людей лежитъ вся въ мірѣ земномъ, а къ міру высшему относится только, какъ къ болѣе или менѣе отдаленной перспективѣ. Не то у восточнаго человѣка: у него всё обратно вышеизложенному. Его трудно привлечь къ участію въ тѣхъ заботахъ о земномъ строѣ, отъ которыхъ западный оторваться не можетъ. На крайнемъ Востокѣ такое отношеніе доходитъ до Буддизма и до Магометанства; а въ Россіи, этой представительницѣ Востока въ его лучшемъ смыслѣ, заботы о земномъ устроеніи гармонически связаны съ высшими интересами вѣры и быта тѣмъ, что отношенія къ нимъ, къ государству и власти вообще разрѣшаются у насъ по взаимно дополняющимся началамъ и служатъ восполненіемъ одна другой [1]). На Западѣ люди озабочены тѣмъ, чтобы довести до минимума то, что для нихъ только тяжелая повинность—заботу о расчетѣ съ другимъ міромъ. Какъ тамъ господствуетъ потребность сдать духовныя дѣла спеціалистамъ: у Р.-Католиковъ—папѣ и духовенству, у Протестантовъ—пастору, имѣющему разъ въ недѣлю (но не больше) напоминать съ каѳедры о духовныхъ интересахъ (свобода Протестантовъ состоитъ въ замѣнѣ одного пастора другимъ, но потребность въ немъ—такая же утилитарная, какъ и у Р.-Католиковъ въ ихъ духовенствѣ), всей душой погрузившись въ заботы міра и, главное, въ пользованіе правами

ношенію къ обоимъ мірамъ. „Не хлопочи о небесномъ, такъ какъ ты ничего не можешь подѣлать въ этомъ отношеніи". Какое удобное положеніе относительно міра здѣшняго!

[1]) Права человѣка относятся у насъ только къ области духа и эти права твердо отстаиваются въ смыслѣ свободы вѣры и быта: (народу невозможно втолковать, что вѣра несвободна. Онъ знаетъ, что Царь одной съ нимъ вѣры, но изъ этого никакъ не выводитъ обязанности держаться извѣстной вѣры потому, что она Царская. Такъ называемыя права политическія относятся имъ къ области *обязанностей, повинностей*. Главный носитель этой повинности, поднимаемой имъ на благо всего народа—Царь. Оттого его понятіе объ ограниченіи власти равносильно понятію о снятіи съ другого и возложеніи на себя повинности, а не пріобрѣтеніи права.

гражданина; такъ на Востокѣ является обратное желаніе—какъ можно менѣе «вожжаться» съ дѣлами такъ называемыми гражданскими, передавъ ихъ всецѣло избранному специалисту наслѣдственному, а въ дѣлахъ менѣе важныхъ—временному (въ административныхъ дѣлахъ). Наслѣдственность высшей власти—особенно по душѣ русскому человѣку, во первыхъ, потому, что еще болѣе удаляетъ отъ необходимости совершать избраніе: что есть опять-таки форма политическаго функціонированія; и, во-вторыхъ, потому, что наслѣдственность власти даетъ союзу ея съ народомъ характеръ «органичности всего строя», при которой личныя черты властителя сглаживаются фактомъ «прирожденности», слѣдовательно гармоничной связи частей, которыя, по народному понятію, крѣпче, чѣмъ связь только утилитарная, при которой власть будто бы поручается всегда лучшему. Лучшій для народа тотъ, кто органически выросъ во властителя, хотя бы другой былъ и умнѣе и способнѣе: ибо относительныя достоинства человѣка не исчерпываются однимъ формальнымъ умомъ.

Такимъ путемъ получаются два народныхъ типа: одинъ, нуждающійся въ Самодержавіи духовномъ и не терпящій его въ области политической: это — Западъ еллино-римской культуры; и другой—Востокъ съ Россіей во главѣ, твердо стоящій за Самодержавіе гражданское, но не терпящій никакого властнаго вмѣшательства въ дѣла духа и даже почти не понимающій таковаго [1]). Въ одномъ случаѣ Самодержавіе государственное и республика въ области духа; а въ другомъ Самодержавіе духовное и республика въ области гражданской. И то, и другое суть выраженіе взаимоотношенія интересовъ той и другой

---

[1]) Какъ только русскій человѣкъ измѣняетъ своей вѣрѣ подъ вліяніемъ западныхъ ученій, такъ тотчасъ онъ воспринимаетъ всѣ его основныя наклонности, политиканствованія, меркантилизма, обостренія индивидуализма и потребности передавать совѣсть и вѣру вожакамъ: начетчикамъ, уставщикамъ, проповѣдникамъ, христамъ и богородицамъ.

категоріи въ народахъ, подходящихъ подъ тотъ или подъ другой типъ. Конечно, между двумя крайностями есть всегда переходныя ступени; но въ нихъ обыкновенно проявляется нѣкая сравнительная неустойчивость, благодаря борьбѣ того и другого теченія: Славяне имѣютъ Новгородъ и затѣмъ Польшу. Западъ имѣетъ Англію, сохранившую свою драгоцѣнную индивидуальность, благодаря своей географической обособленности, а также благодаря тому обстоятельству, что въ ней противоположныя теченія настолько равносильны, что даютъ странѣ устойчивый центръ тяжести, получающійся отъ взаимнаго уравновѣшиванія одной силы другою. Стоитъ только одной взять верхъ, и Англія сейчасъ перекосится и упадетъ, что, кажется, едва ли не начинаетъ угрожать ей все болѣе и болѣе [1]).

Такимъ образомъ для народовъ, излюбившихъ форму правленія самодержавную, она есть присущая ихъ духу потребность, а не результатъ умозаключеній, доказывающихъ его практическое или, точнѣе, техническое превосходство предъ другими формами правленія. Ставить вопросъ такъ, какъ теперь это дѣлается у насъ, т.-е. на утилитарную почву,—есть и абсурдъ и безсознательный, недомысленный подкопъ подъ это самое начало. Самодержавіе, конечно, устраняетъ нѣкоторыя дурныя стороны представительнаго правленія. Главное его достоинство заключается въ личной нравственной отвѣтственности власти. Но вѣдь нельзя сказать, чтобы представительное правленіе «принципіально» уничтожало это начало: оно его ослабляетъ въ лицѣ государя, но переноситъ на отвѣтственнаго министра. Конечно,

---

[1]) Англіи предстоитъ, думается, такого рода испытаніе: либо въ ней возобладаютъ начала финикійскія, которыя дѣлаютъ ея политику столь ненавистной; либо въ ней произойдетъ торжество началъ арійско-христіанскихъ, глубоко въ ней сидящихъ; при чемъ, если бы даже она и утратила свое всемірное державство, то она не переставала бы быть свѣточемъ культурнымъ, высшаго разряда.

все-таки принципъ отвѣтственности выдержанъ болѣе строго при автократіи, хотя извѣстно, какъ эту отвѣтственность смягчаютъ всяческими «де» вліяніями, а въ нѣкоторыхъ конкретныхъ случаяхъ указаніемъ даже на опредѣленныхъ лицъ, опутавшихъ Царя своими доводами или происками [1]).

Главная цѣнность Самодержавія заключается не въ его собственныхъ достоинствахъ, а въ томъ, это оно—симптомъ извѣстнаго духовнаго строя народа. Иностранцы въ 1812 году удивлялись пожару Москвы и другимъ самосожигательствамъ, видя въ этомъ варварство. Но эта черта, называй ее какъ угодно, есть какъ бы иллюстрація того, какъ народъ смотритъ на земныя блага, когда они стоятъ поперекъ пути къ высшимъ цѣлямъ. Высшая цѣль государственнаго общежитія для однихъ людей, Западныхъ—это способствованіе народу и отдѣльнымъ лицамъ заполучать всего какъ можно болѣе: власти, богатствъ, комфорта и т. н.; для другихъ же она, для Востока, есть преимущественно только средство охранить внутреннюю свободу духа и быта, и для этого они сознательно жертвуютъ т. н. правами или въ нѣкоторыхъ случаяхъ и всякими другими дѣйствительными или мнимыми благами, чтобы охранить и сохранить наицѣннѣйшее. Духовный строй народа тѣмъ именно и опредѣляется, «*что онъ почитаетъ наицѣннѣйшимъ*». Самодержавная форма правленія возможна только у того народа, который почитаетъ наицѣннѣйшими не могущество, не утонченность политической системы, не принципъ «обогащенія» [2]), а свободу быта и вѣры, свободу жизни, для достиженія которой государство только орудіе, и такое, прилѣпиться къ которому значитъ сдѣлать средство цѣлью. Разъ же оно сдѣлалось цѣлью, оно,

---

1) Противники войны 1877 года возлагали отвѣтственность за нее на Каткова и Аксакова и совершенно обѣляли Александра Николаевича.

2) Хотя отъ „личной" корысти кто же вполнѣ свободенъ? Но велика разница между корыстью по грѣховности и поклоненіемъ золотому тельцу или „земному благополучію" какъ принципу.

конечно, поработитъ себѣ человѣка и отвлечетъ его отъ той свободы, которая дорога человѣку неизвращенному [1]) и которая есть прирожденная его потребность. Когда народъ видитъ въ государствѣ лишь средство, то, конечно, то, что онъ государствомъ охраняетъ, для него важнѣе и дороже охраняющаго.—Что же можетъ быть это высшее, что онъ государственной оградой только охраняетъ? Конечно—только вѣра, сохраняемая отвлеченно въ душѣ и выражаемая конкретно въ жизни. Для того, чтобы государственность его занимала болѣе, чѣмъ его «бытовая вѣра» ,надо, чтобы онъ послѣдней значительно поубавилъ въ себѣ, замѣнивъ интересами разряда низшаго въ этическомъ отношеніи. Вотъ этотъ шагъ надо сдѣлать народу, т.-е. полюбить государственность со всѣми ея аттрибутами, чтобы утратить преданность той формѣ правленія, которая наиболѣе обезпечиваетъ ему свободу духа, избавляя отъ порабощенія славѣ и величію міра, при которомъ центръ тяжести народнаго духа перемѣщается, если такъ можно выразиться, съ центра на периферію; и поэтому явно слабѣетъ: ибо центръ расплывается и, наконецъ, перестаетъ быть таковымъ.

Народъ, живущій вѣрой и бытомъ, твердо стоитъ на принципѣ Самодержавія, т.-е. устраненія отъ политиканства, въ которомъ видитъ лишь необходимое зло, которое возлагаетъ какъ бремя на избранное и жертвующее собою для общаго блага лицо—Государя, за что и воздаетъ ему и честь и любовь, соразмѣрную съ величіемъ его царственнаго подвига, понимая всю онаго тяготу, нисколько не умаляемую всѣми внѣшними атрибутами блеска и роскоши, которыми оно облечено, какъ

---

[1]) Не надо здѣсь понимать „l'homme à l'état de nature" Руссо или Толстовскаго человѣка, отрицающаго государство. Имѣется въ виду человѣкъ, хотя и создавшій государство, какъ нѣчто необходимое, но не возводящій оное въ идеалъ, фетишъ.

средоточіе земного величія съ его земной помпой. При такомъ духовномъ состояніи народа, или, точнѣе, при такомъ настроеніи народнаго духа, не можетъ быть мѣста подозрѣнію между властью и имъ. Народъ не подозрѣваетъ власть въ наклонности къ абсолютизму [1]), ибо онъ считаетъ власть органическою *частью самого себя*, выразительницей его самого, не отдѣлимой отъ него; и потому самому ему не придетъ никогда въ голову мысль объ ея формальномъ ограниченіи, пока онъ не пойметъ возможности того, что власть можетъ отъ него отдѣлиться, стать надъ нимъ, а не жить въ немъ. Власть вполнѣ народная—свободна и ограничена въ одно и то же время: свободна въ исполненіи всего, клонящагося къ достиженію народнаго блага, «согласно съ народнымъ объ этомъ благѣ понятіемъ»; ограничена же тѣмъ, что сама вращается въ сферѣ народныхъ понятій, точно такъ, какъ всякій человѣкъ ограниченъ своею собственною личностью: въ немъ единовременно соединяются свобода и несвобода. Если власть въ ея носителѣ не отрѣшилась отъ духовной личности народа, то она ограничена, слѣдовательно, своею принадлежностью къ народу и единеніемъ съ нимъ. Власть, увѣренная въ своей связи—не внѣшней, а внутренней—съ народомъ, никогда не можетъ подозрѣвать въ немъ какихъ-либо опасныхъ поползновеній на такъ называемыя политическія права, ясно «и умомъ и чувствомъ» понимая, что **ея собственное бытіе основано на нежеланіи народа властвовать.**

Древнерусское понятіе о землѣ и государствѣ было такое живое [2]), что ни народъ, ни царь ни минуты не задумыва-

---

1) Для него и посейчасъ Царь есть Царь, а не Императоръ. Этотъ титулъ ему непонятенъ и подозрителенъ. Старовѣры же этого слова и произносить не хотятъ.

2) Оттого въ древней Россіи не было никогда недовѣрія къ Церкви со стороны власти. Тогда понимали, что Церковь есть та атмосфера, въ которой живетъ и сама она и народъ, а не нѣчто внѣшнее, status in statu, дальше чего не шло западное представленіе объ отношеніяхъ Церкви къ Государству.

лись насчетъ взаимоотношенія этихъ двухъ факторовъ государственнаго строя. Земля очень хорошо понимала, что есть государево дѣло; и что ей въ это дѣло мѣшаться не подобаетъ безъ приглашенія; но и царь очень понималъ, что такое великое земское дѣло, и зналъ, что цѣль его великаго государева дѣла состоитъ въ томъ, чтобы дать Землѣ жить своею земскою жизнью. Древне русскіе Самодержцы такъ и смотрѣли на вещи: они не боялись въ народѣ властолюбія, а, напротивъ, зная, какъ народъ чуждается власти, и вмѣстѣ съ тѣмъ зная, какъ необходимо общеніе умственное [1]) съ народомъ для правильнаго «бѣга родного корабля», понуждали его къ разрѣшенію государственныхъ дѣлъ, отъ которыхъ этотъ самый народъ былъ наклоненъ сверхъ мѣры уклоняться. Съ наступленіемъ «новаго періода» воззрѣнія власти измѣнились: подъ вліяніемъ Запада, ослѣпившаго слишкомъ воспріимчиваго Петра [2]), Правительство стало смотрѣть и на себя, и на народъ, и на Церковь по-западному; т.-е. Самодержавіе оно поняло въ духѣ абсолютизма Людовиковъ и нѣмецкихъ королей и герцоговъ; въ народѣ оно стало видѣть массу темную, требующую лишь обузданія (оно и обуздывало его до 1860 года), а въ Церкви—клерикальную партію, сильную преданностью народа, но опасную по своимъ стремленіямъ забрать въ руки и народъ и власть и эксплоатировать ихъ для своихъ цѣлей. Къ счастію, «народъ» спасъ Россію отъ зараженія такими понятіями. Если бы народъ понялъ Петра и пошелъ бы за нимъ, то Россіи наступилъ бы давно конецъ. Но петровское начинаніе, додѣланное Екатериной, не пошло дальше верхнихъ слоевъ, въ которыхъ оно, увы, впиталось какъ краска въ непроклеенную (народнымъ духомъ) бумагу [3]).

---

[1]) Ср., напр., Снегирева: „Моск. Древности". Описаніе дворц. площади.

[2]) Pierre avait le gènie imitatif, in n'avait pas le vrai gènie („Contrat Social").

[3]) Интересны разсужденія Д. А. Валуева въ его сочиненіи о мѣстничествѣ

Такимъ путемъ, подъ воздѣйствіемъ оторвавшагося отъ народа правительства образовалась искусственная среда, въ которой пустили корни тѣ самыя западныя понятія, которыя теперь составляютъ пугало для самого правительства. Въ ней явились запросы на всѣ тѣ политическія пряности, которыя такъ нужны западному человѣку, поставленному между абсолютизмомъ и его антиподомъ, народоправствомъ и въ концѣ концовъ разрѣшающему эту диллему «mezzo termine» конституціи [1]). Прежде всего у насъ народились сначала олигархическіе ограничители власти, потомъ конституціонисты и затѣмъ, послѣ появленія мало кѣмъ понятаго истинно-русскаго міросозерцанія, такъ называемаго славянофильства,—ярые 70-хъ годовъ отрицатели западно-ограничительныхъ теорій и пламенные защитники угрожаемаго будто бы самодержавія; но увы, они не умѣютъ отличить абсолютизмъ отъ самодержавія и наивно подтасовываютъ одно на мѣсто другого. Самодержавіе (читай абсолютизмъ) у нихъ является само по себѣ наилучшей «Ding an sich», въ области государственныхъ и почти универсальныхъ проявленій человѣческой дѣятельности. Оно источникъ благъ (у Гезіода боги—δώτηρες ἐάων) и истребитель хищеній, неправдъ и т. п. безъ конца; и все это— motu proprio. По-ихнему, куда ни поставь Самодержавіе (абс.), оно—все очиститъ и облагообразитъ. Вся бѣда только въ томъ, что есть много, увы, слишкомъ много людей, не понимающихъ этой истины. Точь въ точь разсуждаютъ западные представители религіознаго самодержавія, выродившагося въ абсолютизмъ Рима [2]). Папа «альфа и омега всей Церковной жизни» для

(„Симбирскій Сборникъ") о томъ, восколько служилое сословіе въ древней Россіи было „народно".

[1]) Ср. примѣч. 2-е въ концѣ книжки.

[2]) Папство изначальное есть Самодержавіе въ области вѣры. Но непогрѣшимое „ex sese, non ex consensu Ecclesiae" Папство 1870 года есть религіозный абсолютизмъ. На Западѣ это понимаютъ многіе, но считаютъ это какъ

отдѣльнаго человѣка и для всей Церкви. Изъ него исходитъ истина [1]), изъ него исходитъ духовная власть, всенаправляющая, всесозидающая и т. д. «Есть, увы! немало людей, не понимающихъ этой простой, ясной какъ день истины», говоритъ папство: «насадите у себя папство и увидите, что будетъ»; а вы, отвѣчаютъ ему наши абсолютисты, насадите у себя абсолютную монархію «и тогда увидите». Оно и дѣйствительно вѣрно: кто у себя можетъ насадить Папизмъ, тотъ этимъ покажетъ, кто онъ *самъ есть*. Кто можетъ насадить у себя истинное Самодержавіе, тотъ дастъ этимъ мѣрку своему народному «я». Иначе: то и другое суть только симптомы настроенія того или другого народа или общества, а не нѣчто само о себѣ сущее. Тотъ народъ, который смотритъ на дѣла міра сего извѣстнымъ образомъ, не можетъ обойтись безъ Самодержавія политическаго и не потерпитъ у себя Самодержавія духовнаго; а тотъ народъ, который возлюбилъ славу міра сего паче славы иной (не хочу сказать Божьей, ибо это можетъ быть—trop dire), высшей, непремѣнно выброситъ за бортъ свой старинный, неуклюжій укладъ, какъ разбогатѣвшій человѣкъ выбрасываетъ вонъ жесткія, но прочныя лавки и замѣняетъ ихъ хрупкими, но комфортабельными диванами; онъ же вмѣстѣ съ тѣмъ непременно заведетъ для упрощенія расчетовъ съ другимъ міромъ духовнаго повѣреннаго, ксендза или пастора, или вообще духовное лицо, понимаемое по-западному; и ужъ конечно, вкусивъ всѣхъ этихъ удобствъ, не будущихъ, а настоящихъ, не вернется къ брошенной старинѣ, а будетъ только искать все удобнѣйшихъ типовъ мебели и обстановки и иногда мѣнять духовныхъ повѣренныхъ—пока не убѣдится,

---

бы временнымъ диктаторствомъ, вызваннымъ необходимостью защиты противъ ополчившихся на Церковь „Вратъ ада“.

[1]) „The Pope and the Church are one“: to believe in the one means to believe in the other. Card. Newmann. Отвѣтъ Гладстону—on Civil Allegiance. То же—у нѣсколько устарѣвшаго де-Местра.

что безъ нихъ можно вовсе обойтись; ибо «міръ иной» все-таки—не болѣе, какъ гипотеза или даже остатокъ древняго суевѣрія. Но все-таки, когда любители простоты станутъ увѣрять, что мужикъ сидитъ на деревянной лавкѣ, потому что она сама по себѣ совершеннѣе, удобнѣе всякаго кресла въ стилѣ Людовиковъ, то едва ли его аргументы кого-либо убѣдятъ. Пусть они аргументируетъ такъ: «хотя лавка сама по себѣ первобытная и неудобная вещь, но человѣкъ здоровый тѣломъ и крѣпкій духомъ и потому индиферентный къ приманкамъ комфорта, о которыхъ даже думать не хочетъ, предпочтетъ эту простую, грубую обстановку всѣмъ вашимъ утонченностямъ, въ которыхъ проглядываетъ лишь ваша чувственность; а она неразлучна съ упадкомъ духовной мощи. Лавка ли, кресло ли на пружинахъ—не важны сами по себѣ, но они—симптомъ типа обывателей, выражащагося въ той или иной обстановкѣ». Такъ аргументируя, если никого и не убѣдишь, то по крайней мѣрѣ не собьешь съ толку своихъ же сторонниковъ, тогда какъ наши абсолютисты «à outrance» именно этого только и достигаютъ. Они расшатываютъ ряды приверженцевъ Самодержавія, стараясь доказать то, что явно противорѣчитъ самой обыденной дѣйствительности [1]). Точно такъ же, какъ ультрапаписты

---

[1]) Въ этомъ отношеніи очень назидательна единовременная апологія Самодержавія Аксаковымъ и Катковымъ въ началѣ царствованія Александра Александровича. Катковъ подъ Самодержавіемъ понималъ прямо абсолютизмъ, а Аксаковъ ближе подходилъ къ пониманію того, въ чёмъ эти два понятія не тождественны; но для цѣлей т. с. политическихъ онъ долго пѣлъ въ унисонъ съ Катковымъ, пока, наконецъ, не вытерпѣлъ и поставилъ Каткову категорическій вопросъ: „какъ понимать абсолютную годность начала при постоянной несостоятельности всѣхъ его проявленій?"; а Катковъ въ то время громилъ всѣ дѣйствія правительства en détail. Это была одна изъ послѣднихъ статей И. С. Аксакова. Катковъ будто бы написалъ отвѣтную статью, по поводу которой хвалился, что „Аксаковъ убитъ на смерть". Аксаковъ, дѣйствительно, тогда же умеръ, а Катковская статья осталась не напечатанной. Это очень жаль, ибо читать статьи Каткова „принципіальнаго характера" было всегда интересно и назидательно.

наносятъ вредъ дѣлу, которому не въ мѣру усердно служатъ [1]).

Все истинное достоинство Самодержавія (суть его) состоитъ въ томъ, что народъ, зная его практическое, дѣловое несовершенство (до Царя далеко; Царь жалуетъ,—псарь не жалуетъ и т. п.) все-таки твердо стоитъ за него. Онъ за него стоитъ не по грубости или невѣжеству, а очень сознательно, ибо чуетъ, что практическіе недостатки этого порядка вещей сторицей искупаются истекающими изъ него благами высшаго разряда, а именно: свободы отъ прельщенія дѣлами вѣка и его мнимымъ величіемъ; ибо истинныя блага заключаются въ возможности жить «по-Божью», что несовмѣстимо съ погоней за мірскими прелестями. Всякій же человѣкъ, желающій жить по-Божью (на разные впрочемъ лады), непремѣнно человѣкъ крѣпкій духомъ; и, слѣдовательно, собирательная единица, составленная изъ такихъ людей, будетъ въ конечномъ выводѣ сильнѣе «Царства сыновъ вѣка сего»; оттого эти послѣдніе при всѣхъ своихъ, повидимому, неистощимыхъ средствахъ внутренне такъ боятся такого варварскаго народа, каковъ Русскій; они понимаютъ, что то, что они называютъ варварствомъ, есть просто первобытная, народомъ не утраченная духовная мощь, которая себя проявляетъ въ «кажущейся» практичекой немощи архаическаго Самодержавнаго порядка.

Такимъ косвеннымъ, обходнымъ, путемъ — но только такимъ — Самодержавіе обращается въ нѣчто цѣнное *само по себѣ*.

Самодержавіе—цѣнность несомнѣнная и громадная, но только для тѣхъ, которые могутъ его вмѣстить, но вовсе не всюду и не для всѣхъ («Ce n'est pas une denrée à exportation», какъ

[1]) Едва ли Newmann и его предшественникъ, de-Maistre, оказали Папству услугу своими объ немъ афоризмами.

сказалъ Гамбетта объ антиклерикализмѣ). Посему безсмысленно противополагать его народоправству западному, такъ какъ противополагать можно только сущность, а не проявленія, не всегда правильно выражающія сущность. Здоровье противоположно болѣзни; но симптомы того и другого очень разнообразны. Заведите здоровье вмѣсто болѣзни, и оно выразится само въ соотвѣтствующемъ видѣ; но заводить одни симптомы не значитъ еще выздоровѣть; ибо ихъ можно завести искусственно, и тогда становится организму хуже: наступаетъ сугубая реакція. Конечно, мы вовсе не хотимъ этими словами выразить, что Самодержавный Государственный строй равнозначущъ абсолютному здоровью проявляющаго его народнаго организма. Это было бы съ нашей стороны признакомъ лишь ничѣмъ не оправдываемаго самодовольства. Но смѣло можно утверждать, что, хотя есть народы очень крѣпкіе, которые обходятся безъ этого спасительнаго симптома, тѣмъ не менѣе Самодержавіе — этотъ симптомъ здоровья нашего народа по государственной части — имѣетъ въ себѣ такія качества, которыя должны дѣлать изъ него «символъ» нерасшатанной крѣпости и символъ мощи нашего народа. Это — своего рода живой «палладіумъ».

Отсюда истекаетъ тотъ чисто нравственный (а потому «священный») характеръ, который имѣетъ въ глазахъ русскаго народа *Самодержавіе*. Оно вовсе не «de droit divin» въ западномъ смыслѣ: священно оно по своему внутреннему значенію. Царь, царствуя, почитается совершающимъ великій подвигъ, подвигъ самопожертвованія для цѣлаго народа. Начало принужденія, лежащее въ основѣ государственнаго строя (хотя, конечно, не въ немъ одномъ заключается суть государственнаго союза) [1]), служащее въ немъ орудіемъ осуще-

[1]) Въ Государствѣ доброе и злое идутъ объ руку. Первое заключается въ потребности свободнаго объединенія, а второе — въ началѣ принудительности.

ствленія высшаго идеала, т.-е. сверхгосударственнаго, начало— злое и поэтому претящее непосредственно каждому отдѣльному человѣку, составляющему народъ и особенно Русскій. Тотъ, кто беретъ на себя, на пользу общую, подвигъ орудованія «мечомъ» и тѣмъ избавляетъ милліоны отъ необходимости къ нему прикасаться, конечно по идеѣ (не всегда на дѣлѣ)—подвижникъ, положившій душу свою за други свои: «больше же ея любви никто же имать». Поэтому Царь представляется народу выразителемъ начала любви къ нему, любви по возможности абсолютной; а это, конечно, функція священная, и самъ Царь священенъ, какъ проявитель этого священнаго начала. Власть понятая какъ бремя, а не какъ «привилегія»— краеугольная плита Самодержавія [1]) Христіанскаго, просвѣтленнаго и тѣмъ отличнаго отъ такъ сказать стихійнаго, восточнаго. Священность власти какъ института вообще, не имѣетъ отношенія къ вопросу о значеніи Самодержавія, какъ таковаго. Но Самодержавіе священно, такъ сказать, изъ себя, и эта его священность, какъ идея, возможна лишь тамъ, гдѣ и всѣ и каждый видятъ во всяческой власти лишь бремя, а не вкусили «прелести» ея [2]).

Власть «jure divino» въ Европейскомъ смыслѣ едва ли когда предносилась уму нашего народа[3]). Понятіе о таковой едва ли не истекаетъ изъ римскаго обоготворенія «апоѳеоза» силы и

Знаменитое Августиновское „coge intrare“ показываетъ, какъ рано Западная Церковь приняла въ себя зародышъ Государственности.

[1]) Покойный Императоръ Александръ III въ своемъ воззрѣніи на „власть, какъ на бремя неудобоносимое“, проявилъ свою истинно Русскую душу. Въ этомъ—его „непреходящее“ историческое значеніе.

[2]) Извращеніе понятія о Священномъ значеніи Царскаго подвига выражается въ нѣкоторыхъ слояхъ народа, почитающихъ себя „образованными“, представленіемъ о Царѣ, какъ Священникѣ, съ непризнаніемъ за нимъ права вторичнаго брака: Царь, де-Священникъ. Это понятіе, явно, развилось подъ вліяніемъ попетровскаго представленія о Коронаціи. Въ древности никто не смущался многобрачіемъ даже Ивана Грознаго, и развѣ только послѣднія жены его почитались народомъ „женищами“. [3]) Ср. пр. 3-е въ концѣ книжки.

власти, подкрѣпленной впослѣдствіи фактомъ зарожденія власти на почвѣ завоевательной. Что же касается до апостольскаго опредѣленія ея [1]), какъ исходящей отъ Бога, то это надо понимать не въ томъ смыслѣ, что она сама по себѣ божественна, но что идетъ отъ Бога, какъ всѣ явленія внѣшняго міра, противъ которыхъ ни возмущаться, ни роптать нельзя, ибо онѣ отъ Бога. Русскій человѣкъ избѣгаетъ поэтому квалифицировать внѣшнія стихійныя явленія эпитетами *хорошій*, *плохой*. Крестьянинъ рѣдко скажетъ: хорошая погода, дурная погода; — вёдро, сухо, жарко, сыро. Судить же о томъ, что онъ считаетъ проявленіемъ воли Божіей, онъ по возможности избѣгаетъ. Можетъ быть, это обратилось въ привычку, не болѣе, но привычку добрую. Власть, которую освящалъ Апостолъ, объявляя ее идущею отъ Бога, конечно, не была, такъ сказать, священна сама по себѣ для Христіанина. Но Ап. Павелъ потому и указываетъ на ея, такъ сказать, стихійный характеръ, чтобы устранить идею возможнаго возмущенія противъ нея, ставши на точку зрѣнія безразличія къ ней, а конечно— не со стороны внутренней святости. Конечно, тамъ, гдѣ власть являлась результатомъ завоеванія, тамъ ей очень было на руку вводить понятіе о «jure divino» съ подкрѣпленіемъ церковнаго авторитета; но въ Россіи, гдѣ завоевательный абсолютизмъ является только эпизодомъ (не устранявшимъ къ тому же теченія власти органической, народной), ни народу, ни самой власти не было нужды отыскивать для нея высшихъ священныхъ основъ, когда она освящалась самимъ ея призваніемъ, носительницы народной *тяготы:* «Другъ друга тяготы носите, и тако исполните законъ Христовъ». Носитель же общей тяготы не сугубо ли исполняетъ этотъ законъ и этимъ святится?

---

[1]) Не мѣшаетъ вспомнить слѣдующее мѣсто изъ 2-го посланія Ап. Петра: „Повинитеся убо всякому „человѣчу созданію" Господа ради: аще Царю яко преобладающу, аще ли Княземъ, яко отъ него посланнымъ", и т. д., гл. 2, ст. 13.

Но изъ этого отношенія народа къ Самодержцу истекаютъ и особыя обязанности для сего послѣдняго, каковыхъ не можетъ быть ни при абсолютизмѣ, ни при его отрицательномъ дѣтищѣ—представительномъ правленіи. При абсолютизмѣ не можетъ быть рѣчи объ исканіи властью умственной и нравственной опоры въ народѣ, ибо это противорѣчитъ самой идеѣ «отрѣшенности» (absolvo-absolutus). Стоя надъ народомъ и получая вдохновеніе свыше [1]), ему нѣтъ основанія искать умственной поддержки снизу иначе, какъ признавъ за этимъ «низомъ» нѣчто и такого, чего онъ самъ (абсолютъ) не имѣетъ; а это было бы отрицаніе собственнаго принципа. Когда вслѣдствіе утомленія народа той неудобной формой, въ которой выражается «inspiratio divina» своихъ абсолютныхъ вождей, приходится вводить ограничительныя учрежденія, тогда для власти начинается другая задача: отстаивать свое значеніе и роль для блага народа; особенно когда она вѣритъ и знаетъ, что ограничители «не вполнѣ выражаютъ тотъ самый народъ, который будто бы представляютъ». Въ странѣ же, гдѣ твердо укоренилось въ умѣ народа понятіе о власти въ ея органическомъ видѣ, гдѣ власть не представляется противоположеніемъ свободы [2]), а ея составною частью (свобода безъ власти—умъ безъ воли), однимъ словомъ, гдѣ *живетъ* (sic) Самодержавіе въ его настоящемъ смыслѣ, тамъ Царю приходится дѣлать совсѣмъ обратное тому, что дѣлается, какъ выше сказано, на Западѣ. Ему приходится почти что бороться съ уклончивостью народа

---

[1]) „Divinum jus“ непремѣнно предполагаетъ и „inspirationem divinam“ для правильнаго имъ пользованія. Если „Небо“ непосредственно даетъ право, оно должно и „непосредственно“ вдохновлять.

[2]) Конечно, не юридической свободы, не всегда однозначащей съ той, которую назвалъ поэтъ таинствомъ: „скажи имъ таинство свободы“. Сказать эту свободу Западу—вотъ, по мнѣнію А. С. Хомякова, задача, предлежащая Русскому народу. Свобода, по вѣрному, кажется, замѣчанію К. С. Аксакова и Н. М. Павлова, означаетъ „свой бытъ“. Самодержавіе есть сила, способствующая народу проявить свой бытъ. Власть, навязывающая не „свой бытъ“,—все, что угодно, только не Самодержавіе.

отъ участія въ государственныхъ дѣлахъ, истекающей изъ ревниваго охраненія въ себѣ непричастности къ функціи, кажущейся ему несовмѣстимой съ его основными желаніями — быть, такъ сказать, только *Землею* [1]). Если въ настоящее время для западныхъ государей обязательно сколько можно отстаивать монархическую власть противъ такъ называемыхъ представителей народа въ виду того сознанія, что «истинные» интересы народа связаны съ существованіемъ власти единоличной и твердой, то въ такой же мѣрѣ, или можетъ быть даже въ сугубой, необходимо самодержавному царю бороться съ излишнею уклончивостью народа отъ государственныхъ дѣлъ. Царь долженъ знать, что безъ обмѣна мыслей съ народомъ у него не хватитъ знанія для веденія многосложнаго государственнаго механизма; и, съ другой,—что надо «умѣрить эту уклончивость народа» отъ государственнаго интереса, легко переходящую въ нѣкій «сибаритизмъ беззаботности», который тоже есть крайность: какъ всякая крайность, она нежелательна и неоправдаема. Есть еще другіе обстоятельства, связанныя съ условіями функціонированія власти, которыя должны заставлять ее всегда имѣть въ умѣ необходимость «думать съ землею»: окружающая государя служилая среда очень наклонна обратиться въ средостѣніе между нимъ и народомъ; и потому онъ долженъ постоянно, такъ сказать, протыкать этотъ войлокъ служилаго люда, чтобы черезъ него доходилъ къ нему духъ самого народа [2]). Взглядъ народа, стоящаго на самодержавной точкѣ зрѣнія, переносится имъ и на низкія ступени правительственной лѣстницы; и такъ охотно онъ уклоняется

[1]) При всемъ извращеніи нашего образ. Общества на Западный ладъ, эта черта нелюбви къ властвованію даже въ отведенныхъ ему сферахъ выражается постояннымъ уклоненіемъ отъ пользованія своими правами. Не думаю, чтобы гдѣ-либо существовали законы, карающіе за непользованіе правами; а у насъ таковые есть для земскихъ и дворянскихъ собраній.

[2]) Очень поучительна исторія Русская въ XVII вѣкѣ, именно въ этомъ отношеніи. Ср. Лыткинъ. Ист. З. Соб.

отъ всякихъ видовъ администрированія, что дѣлаетъ этимъ весьма труднымъ устройство у насъ такъ называемаго «самоуправленія». Народъ одинаково не понимаетъ государственнаго управленія не личнаго, какъ и самоуправленія мѣстнаго, коллегіальнаго, и по очень основательной причинѣ: власть на всѣхъ ея ступеняхъ—одна по существу, и отношеніе къ ней одно. Власть государственная прекращаетъ свою функцію только тамъ, гдѣ начинаются бытовыя ячейки. Поэтому также страннымъ для народа кажется участіе въ дѣлахъ управленія государствомъ, какъ и въ управленіи краемъ, городомъ, уѣздомъ. Но уклоненіе отъ управленія не значитъ, чтобы народъ не сознавалъ необходимости общенія между властью и имъ на всѣхъ ступеняхъ ея дѣйствованія. Посему только правильная постановка общегосударственнаго строя можетъ дать такую же постановку всяческимъ мѣстнымъ строямъ, являющимъ теперь живую критику на учрежденія, по духу своему противныя духу народному, и благодаря этому служащимъ только обузой для народа и ареной для декламированія тѣхъ, кого бюрократически слѣпое правительство, ихъ же создавшее, почитаетъ представителями субверсивнаго настроенія массъ. Точь въ точь—Западъ; но пока еще въ шуточномъ видѣ, легко могущемъ, однако, перейти въ болѣе серьезный, если самоправительство не обезоружитъ всей этой пока только недомысленной оппозиціи, законно направленной противъ дѣйствительно ненавистнаго абсолютизма такими народными представителями, отъ которыхъ этотъ самый народъ [1]) откажется сейчасъ же, если только исчезнетъ corpus delicti, который его оправды-

---

[1]) Поясняется моя мысль примѣромъ: почему институтъ предводителей (столь фальшивый, какъ продуктъ дворянской организаціи) пользуется какимъ-то обаяніемъ даже въ народѣ, тогда какъ остальныя выборныя должности—нѣтъ? Если дѣло земскихъ учрежденій идетъ гдѣ-либо сколько-нибудь порядочно, это тамъ, гдѣ одно благонамѣренное лицо забрало все дѣло въ руки; а всего хуже—тамъ, гдѣ процвѣтаютъ ораторы и строгая „Коллегіальность“.

ваетъ до извѣстной степени [1]). Истинно самодержавная власть непремѣнно себя проявитъ всяческими видами общенія съ народомъ, изъ которыхъ однимъ можетъ быть и Земскій Соборъ. Но Земскіе Соборы сами по себѣ вовсе не панацеи: они только симптомы; а когда власть, утратившая свой органическій характеръ, но выражаемая такой умной представительницей, какова была Екатерина II, захочетъ прибѣгнуть къ формѣ, утративъ духъ, то, вмѣсто Собора Земли, получается ея знаменитая Комиссія, псевдо-соборъ, столь же мало похожій на настоящій соборъ, сколько она сама на *Самодержавную Царицу*: въ дѣйствительности она была чисто западная абсолютная монархиня, исказившая строй государственной и общественной жизни несравненно болѣе, чѣмъ то сдѣлалъ Петръ, въ которомъ личное богатырство (черта народная) не давало вполнѣ обостриться чуждому принципу, которому онъ служилъ. Послѣ Петра легче было возстановить духъ древній, чѣмъ послѣ Екатерины. Она заколдовала Россію надолго,—хотя можно надѣяться—не навсегда. Но тогда какъ у другихъ преемниковъ петровыхъ чистый абсолютизмъ не давалъ себѣ труда прикрываться, Екатерина, какъ умнѣйшая, очень чувствовала несостоятельность чистаго абсолютизма и потому заигрывала съ Самодержавіемъ русскимъ, какъ она заигрывала и съ русской вѣрой а также съ русскимъ бытомъ. Конечно, во всемъ этомъ проглядываетъ почтенное для нея прозрѣніе того, чего вполнѣ понять она не могла по причинамъ вполнѣ законнымъ. Для нея, какъ для Петра и для современныхъ націоналистовъ, самодержавіе и абсолютизмъ—тождественны. Самодержавіе, повторимъ это еще разъ, есть активное самосознаніе народа, концентрированное въ одномъ

---

[1]) Здѣсь подъ народомъ я понимаю вовсе не одно простонародіе, а и ту интеллигенцію, которая криво-блуждаетъ, благодаря тому что вокругъ нея и въ ней все расшатано въ области понятій.

лицѣ: и потому нормируемое его народною индивидуальностью; оно свободно постольку, поскольку воля свободна въ живомъ индивидуумѣ. О степени свободы воли въ человѣкѣ вѣчно спорятъ разныя школы философскія; пускай спорятъ и истолкователи государственнаго права также о томъ, каковы границы свободы Самодержавной воли въ народно-государственной жизни; но это сопоставленіе выражаетъ ясно мою мысль. Абсолютизмъ же есть, какъ явствуетъ изъ его имени, власть безусловная, отрѣшенная отъ органической связи съ какою бы то ни было народностью въ частности. Въ индивидуумѣ абсолютизмъ подходитъ къ понятію о произволѣ, о волѣ, отрѣшенной отъ цѣлости духа. Философски этотъ терминъ не очень точенъ; но для настоящаго случая онъ достаточно подходящъ. Но дѣйствительно ли произволъ свободнѣе воли разумной? Абсолютизмъ всего охотнѣе облекается въ форму римскаго *императорства*, т.-е. такую, которая соотвѣтствуетъ разносоставности государственнаго организма, такъ какъ тогда власть легче отрѣшается отъ связи съ однимъ народомъ и прикрывается своею одинаковою близостью ко всѣмъ народамъ, ей подчиненнымъ. Но, хотя онъ дѣйствительно родился на такой благопріятной въ Римѣ почвѣ «Августу единоначальствующу на землѣ», онъ на Западѣ, гдѣ могъ, вездѣ вытѣснялъ болѣе органическія формы власти, потому однако, что самое начало власти тамъ (болѣе или менѣе) не было нигдѣ вполнѣ органическое, а вездѣ насильственное. Постепенно эту власть, въ большей или меньшей степени абсолютную, основанную на правѣ сильнаго, стали «связывать», по теоріи де-Местра, тамошніе Япетиты; но, какъ только удавалось власти сбрасывать путы, она тотчасъ обращалась въ чистый абсолютизмъ, забавный образецъ котораго представлялъ, напр., въ началѣ нынѣшняго столѣтія сравнительно микроскопическій Король Викт. Эммануилъ Пер-

вый, Сардинскій. Но такъ какъ первообразъ абсолютнаго владыки есть Императоръ, то всѣ абсолютическіе государи и дорожатъ титуломъ императорскимъ, возведеніемъ себя въ дух. родство съ Августомъ чрезъ титулованіе себя Августѣйшими «semper Augustus». У насъ произошло то же; но, къ счастію западный идеалъ все-таки не можетъ расцвѣсть па русской почвѣ: онъ на дѣлѣ смягчается незамѣтно для насъ какимъ-то особымъ оттѣнкомъ, который дѣлаетъ то, что западные народы продолжаютъ видѣть только Царя въ преемникахъ того, кто упорно стремился замѣнить это народное званіе другимъ, народу чуждымъ и непонятнымъ. Со стороны многое виднѣе! Западъ побаивается именно Царя, а не Императора; Русскаго народа, а не Россійской Имперіи; и это не со вчерашняго дня. Западъ очень бы желалъ, чтобы Русское Царство поскорѣе «дѣйствительно» переродилось въ Имперію и чтобы получилась новѣйшаго пошиба вторая Имперія Римская, которая какъ всякая Имперія, т.-е. не органическое нѣчто, а конгломератъ и «мимо идетъ, яко день вчерашній». Есть, однако, основаніе надѣяться, что эти враждебныя намъ пожеланія не сбудутся. Такой надеждѣ можно найти нѣкоторыя оправданія въ такихъ правительственныхъ мѣрахъ, которыя намекаютъ на то, что не вполнѣ утрачено сознаніе значенія Русской основы въ краеуголіи Государства. Внѣшнія формы русскаго пониманія: Самодержавіе, Православіе и Народность, охраняются тщательно, хотя первое понимается въ смыслѣ западнаго абсолютизма, второе—въ смыслѣ вѣры только традиціонной, а послѣднее въ ея внѣшнемъ признакѣ—языкѣ. Но пока живетъ еще смутное сознаніе, что все это, хотя и не всегда правильно понимаемое, составляетъ нѣкій палладіумъ, до тѣхъ поръ не утрачена надежда на то, что «просвѣтятся очи» тѣхъ, коимъ они до сихъ поръ такъ крѣпко заслонены представленіями совсѣмъ не Самодержавно-Православно-Народнаго свойства.

Русскій народъ (вмѣстѣ съ другими восточными народами, но съ отличіемъ христіанскаго начала, на которомъ онъ построилъ всю свою культуру) передаетъ такимъ образомъ всю государственную заботу одному, сначала излюбленному, а потомъ наслѣдственному лицу, и для него совершенно чужды какъ конституція, такъ и республика. Происходитъ это отъ того, что для русскаго народа интересъ *быта* (вѣра, выражающаяся въ жизни) главный интересъ; а государство есть только ограда этого быта отъ внѣшнихъ или внутреннихъ враговъ. Вездѣ, гдѣ въ народѣ настроеніе то же, получается подобное отношеніе къ государству. Тому примѣръ—Англія. Хотя ея государственный строй и иной, но отношеніе англичанина къ власти и къ политикѣ необыкновенно напоминаетъ русскій штандпунктъ. Это сродство «сути» при различіи «внѣшней формы» такъ велико, что Бисмаркъ, этотъ тонкій наблюдатель деталей, не задумался назвать Англію вмѣстѣ съ Россіей азіатскими государствами. Конечно, онъ понимаетъ этотъ эпитетъ въ отношеніи къ Англіи главнымъ образомъ въ смыслѣ ея господства въ Индіи; но само сопоставленіе ихъ съ выдѣленіемъ изъ «Europe proprement dite» знаменательно. Въ Англіи государственная форма сложная, но она такая же органическая, какъ Самодержавіе у насъ; а поэтому отношеніе къ ней народа одинаково въ обѣихъ странахъ. Въ Англіи и Россіи преобладаетъ въ народѣ интересъ религіозно бытовой; и они обѣ ревниво охраняютъ эту среду отъ захвата какой бы то ни было власти[1]). Здѣсь, конечно, не мѣсто подробно разсуждать объ Англіи; упоминаемъ объ ней только для того, чтобы указать на то, что она не возраженіе противъ излагаемой теоріи, а скорѣе подтвержденіе ея. На востокѣ немыслимы оракулы безапелляціонные, разрѣшающіе вопросы вѣры и жизни, немыслимо «господство» іерархіи; а тѣмъ менѣе

[1]) Положеніе Establ. Church очень своеобразное.

образованіе духовнаго самодержавія, переродившагося въ абсолютизмъ, мнящій руководить совѣстью и вѣрою людей. Эту черту древневосточную русскій народъ перенесъ въ свою церковную христіанскую жизнь, въ которой при совершенномъ признаніи значенія Іерархіи, она никогда не получала развитія такого, какъ на Западѣ. У насъ безпоповство, какъ оно ни ложно, не смущаетъ народъ именно своей безъіерархичностью, тогда какъ на западѣ въ безпоповствѣ протестантовъ—главный «скандалонъ» для Р.-Католиковъ: *отсутствіе авторитета.* Но А. С. Хомяковъ показалъ ясно, что и протестанты безъ внѣшняго авторитета не могутъ обойтись; и что они замѣнили авторитетъ лица, авторитетомъ книги, т.-е. тоже оракула. Авторитетъ есть начало внѣшней принудительности въ области вѣры и мысли, которому человѣкъ подчиняется въ мѣру его сравнительнаго равнодушія къ самой этой области. Въ наукѣ авторитетъ большею частью имѣетъ значеніе въ тѣхъ отдѣлахъ, которые не составляютъ спеціальности ученаго. На востокѣ народы сдаютъ власти дѣла государственныя, ибо они для человѣка восточнаго второстепенныя. Западъ, наоборотъ, сохраняетъ ревниво за собою интересы государственные и въ постоянной заботѣ о земномъ благоустоеніи весь уходитъ въ эту область, оставляя второстепенную область вѣры въ рукахъ духовныхъ самодержцевъ.

Такимъ путемъ мы приходимъ снова къ слѣдующему общему выводу: Востокъ стоитъ за Самодержавіе Государственное потому, что онъ «сравнительно»[1]) равнодушенъ къ интересу земного благоустроенія, но не допускаетъ и мысли о возможности Самодержавія Духовнаго, потому что область духа для него такъ дорога, что онъ не находитъ возможнымъ поставить какія - либо внѣшнія преграды между тѣмъ, что почитаетъ абсолютно важнымъ, и своимъ личнымъ духомъ. Западъ—на-

---

[1]) Не надо упускать изъ вида, что это выраженіе существенно важно.

оборотъ: онъ утверждаетъ центръ тяжести своей жизни на интересѣ земномъ, оставляя «иному», конечно, очень высокое мѣсто на словахъ, но только не на дѣлѣ. *Преданность Самодержавію въ сферѣ политической пропорціональна сравнительному индиферентизму народа къ дѣламъ міра сего вообще, а слѣдовательно силѣ его интересовъ въ высшей области духа.*

Такимъ образомъ Самодержавіе является передъ нами, какъ нѣчто почти невѣсомое. Какъ скудость сама по себѣ не можетъ почитаться положительнымъ благомъ, такъ и скудость политической формы никакъ не можетъ быть почитаема *сама по себѣ* качествомъ. Но во сколько нищета вольная есть великая въ мірѣ сила, передъ которой всякое богатство «гниль и прахъ», такъ и Самодержавіе, излюбленное народомъ вольно, есть источникъ народной силы, ибо въ прилѣпленіи къ нему выражается *отрѣшеніе народа отъ тѣхъ политическихъ похотей, которыя ослабляютъ народный духъ не менѣе, чѣмъ погоня за богатствомъ ослабляетъ духовно человѣка и народы, сдѣлавшіе изъ золотого тельца предметъ своего обожанія.*

Когда человѣкомъ овладѣла любовь къ земнымъ благамъ, поздно, въ большинствѣ случаевъ, убѣждать его въ томъ, что «нѣкая бѣдность» [1]) гораздо удобнѣе и практичнѣе, чѣмъ «богатство». Надо, чтобы въ человѣкѣ пробудилась душевная струнка, и тогда онъ самъ перемѣнитъ свои отношенія къ богатству, къ политической игрѣ, къ исканію силы въ томъ, что есть прахъ. То же и съ народами: разъ они утратили интересы и идеалы религіозно - бытовые, тотчасъ они пускаются въ погоню за всѣмъ внѣшнимъ и, главное, за устроеніемъ политически-усовершенствованныхъ порядковъ. Для ихъ цѣлей такое архаическое, какъ Самодержавіе, орудіе негодно главнымъ образомъ потому, что выражаемое «по возможности» Самодержавіемъ

[1]) Не нищета.

народное самосознаніе само утрачивается, благодаря обостренію индивидуализма, разрушающаго внутреннее духовное единство. Но «порабощеніе» земнымъ интересамъ (земного благоустроенія)—это-то и есть истинная духовная слабость и человѣка, и народа. Потому нельзя не радоваться, если еще есть люди и народы, которые не поклонились Ваалу и продолжаютъ жить другимъ, болѣе высокимъ настроеніемъ [1]). Но, не отрицая полезности и желательности комфорта, стоять рядомъ съ тѣмъ за нестяжаніе; или, считая необходимымъ обладать совершеннѣйшей по возможности государственной организаціей и рядомъ съ этимъ утверждать, что она всегда лучше усовершается, когда до нея мало кому дѣла,—едва ли логично.

Не даромъ мы сопоставили двѣ похоти: богатства и властолюбія. Дѣйствительно между ними есть связь; какъ между симптомами одной и той же болѣзни: онѣ восполняютъ одна другую. Это—двѣ разновидности одного начала порабощенія духа *князю вѣка сего.* Но у насъ этого не сознаютъ и само правительство поощряетъ развитіе капитализма большого и малаго, не понимая, что какъ только разовьется этотъ аппетитъ въ народѣ, тотчасъ разовьется политиканство, которое въ формѣ Западно - конституціонной, свило свое гнѣздо (уже) въ средѣ нашихъ капиталистовъ европейскаго пошиба. Напрасно смѣшиваютъ у насъ капитализмъ съ благосостояніемъ, о которомъ должно дѣйствительно заботиться: почти что утрачено даже понятіе о томъ въ чемъ оно заключается [2]). Среда капитализма у насъ — это та, въ которой успѣли свить себѣ гнѣздо и развиться понятія о благахъ цивилизаціи европейско-финикійскаго пошиба; и она уже вполнѣ достойна стать на одну доску съ остальной Европой и, конечно, уже поздно доказывать ей, что бѣдность лучше богат-

[1]) Въ этомъ смыслѣ употреблялъ К. С. Аксаковъ выраженіе „величавый“, говоря въ одномъ стихотвореніи о простомъ народѣ.

[2]) „Кійждо въ винограднихѣ своемъ; и кійждо подъ смоковницей своей“.

ства, что Самодержавіе лучше Коституціонизма и что вѣра сильнѣе науки [1]). Надо желать того, чтобы перестали у насъ работать въ руку этой средѣ и чтобы поняли, что капитализмъ (т.-е. поклоненіе силѣ вещественной) есть величайшій врагъ и человѣчества вообще, и его исконной государственной формы, къ счастію еще сохранившейся въ Россіи—Самодержавія.

Сотрудники «Русской Бесѣды» такъ и понимали величіе и значеніе Самодержавнаго принципа. Величіе Самодержавія заключается въ величіи народа, добровольно ввѣряющаго ему свои судьбы, но вовсе, не въ немъ самомъ, не въ томъ, что оно есть совершенная форма государственнаго правленія, ибо само по себѣ оно не плохо и не хорошо; и можетъ быть и полезно и вредно, смотря по своему примѣненію. Возведеніе же его самого въ начало творческое, самодовлѣющее есть такая же «лесть», какъ со стороны Западныхъ людей «возведеніе служебнаго начала іерархическаго авторитета въ основу Христіанства и Церкви». Дѣла, собственно государственныя, могутъ лучше идти при правленіи представительномъ и въ дѣйствительности чаще лучше идутъ, чѣмъ при правленіи Самодержавномъ; не все, созданное Римскимъ Католицизмомъ въ области церковности плохо, потому что оно само основано въ началѣ невѣрномъ. Слава Богу, что у насъ народъ не утратилъ свою вѣру въ Православіе и Самодержавіе; но далеко не все офиціально православное такъ ужъ хорошо, какъ бы «потрясательно» ни исполняли пѣвчіе «Дерзайте убо» («М. Сборникъ», К. Побѣдоносцева, стр. 266); и не все въ нашей государственности отлично, какъ бы мы офиціально и офиціозно это ни утверждали [2]).

---

1) Даже „М. Вѣдомости“ и тѣ преблагодушно повторяютъ слова нѣкоего проф. Озерова, перифразъ на Евангеліе: „ищите прежде знанія и просвѣщеніе и остальное все приложится вамъ“. 1903 г., № 65, ст. рабочаго Слѣпова.

2) На эту тему написанъ „Антидотъ“ Екатерины 2-й. Она не только олицетворяла въ себѣ „абсолютизмъ“, но умѣла и необыкновенно остроумно воспѣвать плоды примѣненія его на дѣлѣ, не стѣсняясь, конечно, въ выборѣ красокъ.

— Прим. къ стр. 15-й. Царь для Русскаго человѣка есть представитель цѣлаго комплекса понятій, изъ котораго само собою слагается т. с. „бытовое“ Православіе. Въ границахъ этихъ всенародныхъ понятій Царь полновластенъ; но его полновластіе (Единовластіе)—Самодержавіе—ничего общаго не имѣетъ съ абсолютизмомъ западно-кесарскаго пошиба. Царь есть отрицаніе абсолютизма именно потому, что онъ связанъ предѣлами народнаго пониманія и міровоззрѣнія, которое служитъ той рамой, въ предѣлахъ коей власть можетъ и должна почитать себя свободной. Напримѣръ, народъ вѣрилъ (и вѣритъ доселѣ), что Царь, когда это ему кажется нужнымъ, думаетъ о великомъ государевомъ, земскомъ дѣлѣ вмѣстѣ съ землею; въ этомъ онъ такъ увѣренъ, что ему никогда на мысль не приходило допытываться, достаточно или недостаточно Царь обращается къ землѣ съ вопросами. Для него твердъ принципъ, одинаково твердый и для царя, что совмѣстное думаніе есть условіе правильнаго теченія Государственно-Земскихъ дѣлъ; а когда и какъ Царь будетъ сдумываться съ народомъ, — это дѣло царское, — на то онъ Царь, чтобы знать и вѣдать, когда это нужно. Во всякомъ случаѣ вѣрно для народа то, что изъ тѣхъ рамокъ, которыя поставлены вѣрой и обычаями, Царь также мало можетъ выступить, какъ и онъ самъ (народъ-земля). Вотъ то представленіе о своемъ Самодержавномъ Великомъ Государѣ, какое имѣла допетровская Русь и существующее доселѣ въ народѣ. Но сбривать бороды, предписывать покрой платья, переносить по произволу столицу, — никогда не представлялось входящимъ въ компетенцію русскаго самодержавца. Какъ только же взамѣнъ стараго начала преданія и того, что называлось „старина“, выкинуто было знамя „упраздненія всего этого хлама“ во имя новаго высшаго начала, болѣе культурнаго l'état c'est moi *), тотчасъ начинается эра „принципіальнаго“ произволенія, сначала воплотившагося въ громадной личности Петра **), а отъ него усвоеннаго его преемниками и очень краснорѣчиво выраженнаго словами Императора Николая Павловича, съ указаніемъ на свою грудь—„*все* должно исходить только отсюда“. Такого изреченія не понялъ бы, конечно, самый самодержавный изъ древнихъ Самодержцевъ. Но римскій Императоръ понялъ бы и повторилъ бы охотно, или, точнѣе, это—повтореніе того, что всегда говорили западные абсолютные монархи, большіе или малые Кесари. Для полнаго торжества личнаго „произволенія“, возведеннаго въ принципъ, въ начало, на которомъ долженъ отнынѣ почивать весь государственный строй, нуженъ былъ и соотвѣтственный „абсолютно произвольный“ государственный центръ. Ни Кіевъ, ни Владиміръ, ни Москва не были центрами произвольно выбранными: они созданы были своими областями, и потому были ихъ естественными центрами; но теперь нуженъ былъ именно центръ *эксцентричный*, такъ какъ только таковой—„абсолютно искусственный“; и только таковой соотвѣтствуетъ направленію, выражаемому онымъ въ политикѣ государственной.

*) Сослужившая такую печальную службу наслѣдникамъ Людовика XIV и державѣ его.

**) Какъ вѣрно опредѣлилъ дѣло Петрово глубокомысленный (лишь въ подробностяхъ) Ж. Ж. Руссо: „Pierre avait le genie imitatif, il n'avait pas le vrai genie. Quelques unes des choses qu'il fit étaient bien, la plupart déplacées. Il a d'abord voulu faire des Allemands, des Anglais quand il fallait commencer parfaire des Russes. Il a empeché de jamais devenir ce qu'ils pourraient être en leur persuadant qu'ils étaient ce qu'ils ne sont pas“.(„Du Contrat Social“, Chap. VIII).

Съ переходомъ столицы на берега Невы началась дѣйствительно новая эра въ государственномъ отношенiи: естественно сложившееся понятiе о Царствѣ Московскомъ и всея Руси замѣняется новымъ, Россiйской Имперiи; въ нее втягиваются новые составные элементы и сразу она окрашивается не цвѣтомъ того народа, который создалъ упраздненное Царство—это было бы остатками старой зависимости отъ традицiй, упраздненныхъ Монаршей волей,—а краской произвольно выбранной, Нѣмецко-Шведо-Финской, т.-е. той, которая принадлежала малой, недавно прiобрѣтенной области, поблизости отъ которой поставлена и столица съ нѣмецкимъ именемъ, опять-таки даннымъ не спроста, а чтобы ясно показать, что Русь русскаго центра имѣть уже болѣе не должна. Ея центръ тамъ, гдѣ угодно „Монарху", и типъ его и названiе должны ясно свидѣтельствовать, что онъ не связанъ даже языкомъ съ народомъ Московiи. Такимъ образомъ, переродившись въ абсолютизмъ, самодержавiе устроилось въ новой столицѣ своей, откуда оно могло, ничѣмъ уже не стѣсняемое, благоустроять государство по мѣркѣ собственнаго разумѣнiя, почерпая свои духовныя и умственныя силы „ex sese" и изъ того непосредственнаго просвѣщенiя свыше, выразителемъ коего являлся „Священный обрядъ" коронацiи. Только съ XVIII вѣка этотъ обрядъ началъ возрастать и получилъ, наконецъ, значенiе, о которыхъ древняя Россiя не имѣла подходящаго понятiя. Москва осталась мѣстомъ совершенiя этого обряда, вѣроятно, не изъ уваженiя къ ея святынямъ и не вслѣдствiе уваженiя къ самой Москвѣ, а для того, чтобы столь практически важное для возвеличенiя „абсолютизма" церковное дѣйствiе совершалось не въ сравнительно глухомъ закоулкѣ, а въ наиболѣе видномъ пунктѣ государства. Воззрѣнiе на власть, насажденное Петромъ, не измѣнилось и до нашихъ дней. Краснорѣчивый и ученый выразитель Петербурго-Русскаго направленiя и крупный государственный дѣятель послѣднихъ лѣтъ, К. П. Побѣдоносцевъ, выражаетъ ясно это нео-Русское представленiе о власти такъ: власть „безгранична" не въ матерiальномъ лишь смыслѣ, но и въ духовномъ... это сила... „творчества". Власти принадлежитъ и первое, и послѣднее слово, альфа и омега, въ дѣлахъ человѣческой дѣятельности" *). При такомъ воззрѣнiи на власть смиренному, древне-Русскому самодержавiю, не считавшему себя ни альфой, ни омегой въ дѣлахъ человѣческой жизни, а только однимъ изъ факторовъ оной, да еще въ извѣстной ограниченной лишь области,—мѣста не оставалось. Безграничная **) власть не могла уже оставаться въ границахъ Русскаго народнаго пониманiя; она стала выше узкихъ традицiонныхъ понятiй Московiи и создала Имперiю, этотъ „ѳеатръ творческой безграничной (слѣдовательно уже не народной, ибо народность есть несомнѣнное ограниченiе) власти", творящей все собою и изъ себя,—конечно, на благо своихъ разновидныхъ подданныхъ, но по собственному лишь усмотрѣнiю, а не какъ выразительница взглядовъ, понятiй и вѣрованiй своего народа.

Но абсолютизмъ, какъ начало, какъ идеалъ въ дѣлахъ человѣческихъ такъ же недостижимъ, какъ и всякiй идеалъ: дѣйствительность скоро вводитъ его въ границы конкрета. Одинъ лишь видъ ограниченiя замѣняется другимъ. Самодержавiе всегда считало себя ограниченнымъ, а безграничнымъ только

---

*) „Моск. Сборникъ", 248—249 стр.

**) Всякому понятна разница между „безграничною" и „неограниченною" властью. Первое касается ея *существа*, а второе—лишь *проявленiя*.

условно, въ предѣлахъ той ограниченности, которая истекаетъ изъ ясно сознанныхъ началъ „народности" и „вѣры". Оно жило въ народѣ и въ Церкви. „Абсолютизмъ" сталъ выше ихъ обоихъ. Эти границы онъ прорвалъ, но зато незамѣтно подпалъ закону ограниченности въ другомъ худшемъ видѣ — ограниченности не органической (слѣдовательно не стѣснительной), а внѣшней, т.-е. матеріальной и потому дѣйствительно тягостной, ибо все внѣшнее до нѣкоторой степени враждебно. Пока власть лишь направляла живое тѣло органически сложившагося, органически живущаго государства, она связывалась съ нимъ закономъ живого взаимодѣйствія. Но разъ она отрѣшилась отъ понятій взаимодѣйствія и перешла въ область чистаго творчества, ей поневолѣ пришлось искать и придѣлывать себѣ органы творчества, искусственные зубы, руки и ноги. Она воображала, что эти искусственные члены будутъ для нея лишь чисто служебныя орудія, безвольныя и безсмысленныя, надъ которыми она будетъ только властвовать, но съ которыми ей считаться не будетъ надобности. На дѣлѣ же вышло вовсе иное. Всякое внѣшнее орудіе, какъ бы оно ни было полезно, есть всегда вмѣстѣ съ тѣмъ и стѣсненіе; но чѣмъ болѣе орудіемъ внѣшнимъ служитъ живое существо (слѣдовательно имѣющее собственную волю), тѣмъ болѣе оно воздѣйствуетъ само на направляющаго, подчиняясь ему, но и подчиняя его себѣ до извѣстной степени. Внѣшнимъ орудіемъ абсолютной власти являются такъ называемые чиновники; хотя они неизбѣжны при всякой формѣ правленія, но въ государствѣ, гдѣ всѣ части другъ съ другомъ связаны органически, они, составляя изъ себя живой органъ, остаются (болѣе или менѣе) въ предѣлахъ имъ свойственныхъ и слѣдовательно полезныхъ. Разъ же они обращаются въ механическія (но живыя) орудія власти для нихъ внѣшней, они начинаютъ жить своею собственною жизнью и „для себя"; ибо они чувствуютъ себя обособленными, отрѣшенными, только живой машиной, и слѣдовательно получаютъ свои собственные интересы самосохраненія, питанія, размноженія, какъ всякое отдѣльное въ себѣ замкнутое существо или корпорація. Только „дѣловая" связь соединяетъ чиновничество-бюрократію съ ея хозяиномъ *). Она на него работаетъ, но главное — она себѣ довлѣетъ, ибо ей не съ кѣмъ другимъ единиться, будучи отрѣшенной отъ общей жизни народа, для власти же только являясь орудіемъ. Сначала въ должность чиновниковъ по новому образцу возведены были служилые люди прежняго „режима" **). Они, обученные по-Европейски, вооруженные для вящей ревности къ службѣ и для еще большаго отчужденія отъ народа, „усовершенствованнымъ" помѣщичьимъ правомъ— казались сначала довольно хорошо вошедшими въ свою новую роль исполнителей „абсолютныхъ" велѣній. Но однако по мѣрѣ того, какъ общее имъ право владѣнія крестьянами стало въ нихъ вырабатывать и нѣкоторую самостоятельность, они постепенно стали все болѣе и болѣе неудобными орудіями, и неудобными во всѣхъ отношеніяхъ. Для власти, желавшей видѣть въ нихъ только машины ***), они стали недостаточно безвольны; а для народа они явились со-

*) Паскаль хорошо опредѣляетъ различіе отношеній ко власти: внутреннее— органическое, народное, при которомъ цари являются Rois de la charité (т.-е. связаны началомъ любви съ подданными) и внѣшнее—утилитарное, при которомъ Цари являются—Rois de la concupiscence т. е. царями для эксплуатаціи.

**) Бывшіе прежде чиновниками же, но по старому порядку органической связи съ царемъ и съ народомъ.

***) Павелъ Петровичъ почиталъ помѣщиковъ только своими полицмейстерами.

словными эксплоататорами, и слѣдовательно крайне нелюбезными. Полный расцвѣтъ дворянскаго чиновничества совпадаетъ съ царствованіемъ Екатерины II. Съ этого же времени (т.-е. собств. съ Александра) все болѣе и болѣе дворянское сословіе становится не любо власти, и, въ концѣ концовъ, власть упраздняетъ его стѣснительныя для себя услуги: освобождая крестьянъ, она освобождаетъ себя отъ дворянъ и возвращаетъ все къ идеалу давно искомому, „абсолютизма полнаго" съ безгласными орудіями для своего правительственнаго творчества. Но именно тутъ-то всего нагляднѣе представилась воочію всѣхъ и самой власти вся утопичность такихъ абсолютныхъ мечтаній. Родилась настоящая бюрократія. Полное развитіе бюрократіи начинается съ освобожденія крестьянъ, которому она въ собственныхъ видахъ (хотя и не безъ идеальныхъ мотивовъ) усиленно содѣйствовала ради устраненія дворянства. Не только самое устраненіе дворянства отъ прежней политической роли нужно было бюрократіи для очищенія мѣста, но ей нужно было положить конецъ той патріархальной формѣ государственнаго быта, которая основывалась на всеупрощающемъ крѣпостномъ правѣ, для того чтобы завести *сложный* государственный механизмъ, для функціонированія коего необходимъ и опытный механикъ, бюрократія. Въ этомъ новомъ строѣ выразилась идея абсолютизма, но въ своеобразномъ видѣ. Абсолютный, т.-е. отъ народа отрѣшенный Государь, заслоняется абсолютной бюрократіей, которая, создавъ безконечно сложный государственный механизмъ, подъ именемъ Царя, подъ священнымъ лозунгомъ *Самодержавія* работаетъ по своей программѣ, все разрастаясь и разрастаясь и опутывая, какъ плющъ, какъ Царя, такъ и народъ, благополучно другъ отъ друга отрѣзанныхъ Петровскимъ началомъ западнаго абсолютизма. Лозунгъ бюрократіи не „divide et impera", но „impera quia sunt divisi". Конечно, было бы несправедливо (и даже смѣшно) подозрѣвать бюрократію, состоящую въ большей своей части изъ людей вполнѣ достойныхъ, въ какихъ-либо сознательно злыхъ цѣляхъ: она, несомнѣнно, въ мѣру возможности, не прочь быть полезной; она даже старается быть таковой; и только потому не можетъ, что тоже абсолютна, т.-е. отрѣшена отъ живой связи съ народомъ: *она абстрактна*. Всѣ ея цѣли, все ея пониманіе, вся ея дѣятельность только умозрительнаго свойства. Не имѣя почвы подъ собою, она витаетъ въ эмпиреѣ благонамѣренности, въ которомъ живое отсутствуетъ, а все только схемы: есть схэматическій царь и таковой же народъ, который схэматически приводится къ благоденствію ею—одною существующею in concreto. Изъ этого выходитъ очень забавный (было бы смѣшно, когда бы не было такъ грустно) фактъ: бюрократія in corpore, все, доводитъ до совершенства; а сами бюрократы, какъ отдѣльныя личности, ее бранятъ нещадно; такъ что нигдѣ нельзя найти столь злой критики всего, что дѣлается, какъ въ средѣ этихъ самыхъ бюрократовъ, и особенно въ томъ городѣ, который названъ весьма мѣтко бывшимъ Министромъ Финансовъ „Центръ Бюрократіи" *).

---

*) Въ Запискѣ по поводу вопроса о введеніи Земскихъ учрежденій въ Зап. Краѣ, составленной по указаніямъ Ст. Секр. Витте, Петербургъ вначалѣ Записки выставляется какъ столица Императора, но въ концѣ онъ уже превращается въ Центръ бюрократіи, противодѣйствіе коей ставится въ вину Земству, которое между тѣмъ есть продуктъ и достойное дѣтище бюрократіи.

Примѣчаніе къ стр. 41-й. Для признанія jus divinum главы государства необходимо признавать и нѣкую божественность самого государства. Римъ передъ этимъ не стѣснялся: его обоготворенная Roma вполнѣ гармонируетъ съ идеей Divi Caesaris. Отъ Рима языческаго путемъ эволюціи произошла Свящ. Римская Имперія Среднихъ Вѣковъ, съ священнымъ главою—Императоромъ. Споръ между Императоромъ и Папою происходилъ не изъ-за принципа, а изъ-за подробности, весьма впрочемъ важной: прямо ли вручаетъ небо корону и мечъ Императору, или чрезъ преемника Петрова. Основной взглядъ на священность государства по существу особенно нагляденъ въ протестантизмѣ Лютера, Кальвина и англійскихъ реформаторовъ. Доказательство этому: cujus regio, ejus et religio; Кальвино-Ноксовскій теократизмъ и наконецъ Establisched Church.; а въ концѣ-концовъ la culte dela Raison et celui de l'Etre Suprême. Самое появленіе Contrat Social есть только попытка, временно удавшаяся, свергнуть ученіе о божественномъ началѣ государства, но кончившаяся однако возвращеніемъ къ той же идеѣ, но въ извращенномъ видѣ абсолютнаго значенія государства, расцвѣтъ коей теперь особенно нагляденъ во Франціи. Въ Россіи священность государства признавалась ли когда? а безъ нея и jus divinum едва ли имѣетъ корни въ народномъ самосознаніи.

Прим. 2-ое (къ стр. 37).

Нѣкоторыя земскія собранія высказались недавно за допущеніе женщинъ къ участію въ избраніи гласныхъ и къ принятію званія таковыхъ. За симъ, конечно, долженъ послѣдовать и „вотумъ“ о допущеніи женщинъ къ прохожденію должностей членовъ земскихъ управъ и предсѣдательницъ таковыхъ. Остановка на полупути, конечно, только временная. Земскіе сторонники расширенія правъ женщины основываютъ свои доводы на соображеніяхъ о равноспособности къ общественному дѣлу обоихъ половъ. Способности равныя, слѣдовательно и истекающее изъ этого право примѣнять таковыя—равное. Практически этотъ вопросъ не важенъ: женщины in corpore едва ли много выиграютъ отъ предоставленія имъ участвовать въ дѣлѣ, которымъ настолько тяготятся мужчины, что на выборахъ большинство отсутствуетъ, а избранныхъ въ гласные законъ долженъ понуждать взысканіями къ прохожденію взятой на себя обязанности. Дѣло идетъ конечно о принципѣ: надо раскрѣпостить женщину, уравнять въ правахъ, постепенно стереть послѣдніе слѣды „Монгольщины“ и т. д. Въ принципіальномъ отношеніи, и только въ этомъ, интересны постановленія высказавшихся въ этомъ смыслѣ земствъ. Нельзя возражать противъ допущенія женщинъ къ общественной дѣятельности тѣмъ, что „де“ онѣ менѣе мужчинъ способны къ общественнымъ дѣламъ. Кто же не знаетъ, что есть много очень дѣловитыхъ женщинъ и что не всѣ мужчины дѣловиты. Даже Аристотель, раздѣляя людей на рожденныхъ для власти (Еллиновъ) и рожденныхъ для подначалія (варваровъ), оговорился, что на дѣлѣ это раздѣленіе не всегда соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Если избраніе гласныхъ, участіе въ земскихъ собраніяхъ и т. д. составляетъ „право“, то, конечно, несправедливо лишать женщинъ этого права. Женщина можетъ у насъ царствовать, а „гласной“ быть не можетъ! Еще въ древнемъ Египтѣ равноправіе женщинъ было почти полное; у насъ же его нѣтъ даже въ такихъ дѣлахъ, какъ вышеупомянутое! Разъ земство себя считаетъ „обладателемъ правъ“, которыми то хочетъ, то не хочетъ дѣлиться съ женщинами, оно этимъ самымъ открываетъ *свое пониманіе себя самого*, и въ этомъ-то отношеніи постановленія земскихъ собраній по женскому вопросу представляютъ серьезное значеніе. Въ Западной Европѣ весь государственный строй заключается въ уравновѣшиваніи правъ: права короны, съ одной стороны; права народа, съ другой, въ лицѣ сословій, корпорацій, личностей и т. д. Тамъ, гдѣ государственный строй сложился на началѣ борьбы, на почвѣ завоевательной, тамъ эта точка зрѣнія *абсолютно* правильна, и тамъ вполнѣ законно ставить вопросъ о распространеніи правъ на такихъ-то, объ умаленіи правъ короны и расширеніи правъ народа, или наоборотъ. Но годится ли такое пониманіе въ средѣ такого народа, который никакую власть иначе не понимаетъ, какъ носительницу общественной тяготы, а не „обладательницу правъ“? Даже высшую власть у насъ народъ понимаетъ не какъ наиболѣе изобилующую правами, а какъ наиболѣе отягощенную обязанностями: „О тяжела ты, шапка Мономаха!“ Въ странѣ, гдѣ власть явилась не какъ результатъ борьбы, а какъ органическій элементъ народной жизни, понятія о правахъ иныя, чѣмъ тамъ, гдѣ безъ закрѣпленія за собою таковыхъ жить нельзя. Всѣ права, даже высшей власти, по русскому пониманію, опредѣляются тѣми границами, которыя соотвѣтствуютъ ея обязанностямъ; таковыя же у высшей власти настолько велики, что ихъ можно осуществить лишь при условіи совершенной неограниченности—при условіи, слѣд.,

„Самодержавія". Съ этой же точки зрѣнія разрѣшается и вопросъ объ участіи женщинъ въ престолонаслѣдіи. Не въ томъ дѣло, когда женщина *имѣетъ право* быть царицей; а въ томъ, когда нельзя обойтись безъ того, чтобы ей царствовать для достиженія правильнаго, положимъ, теченія принципа нисходящей преемственности: иначе—когда и женщинѣ, наравнѣ съ мужчиной, приходится становиться на череду царственнаго служенія. Если бы земскія собранія понимали вещи такъ, какъ ихъ понимаетъ самъ народъ, то они поставили бы слѣдующій вопросъ: нужно ли отвлекать женщинъ отъ ихъ женскаго дѣла для несенія тяготы, которую пока справляютъ одни мужчины? Если мужчинамъ не подъ силу земское дѣло, то, конечно, надо привлекать и женщинъ. Но вѣдь затѣмъ долженъ наступить чередъ и другимъ вопросамъ однороднымъ: вопросамъ о правѣ быть присяжными (это тоже—такое право, за непользованіе коимъ законъ караетъ чувствительно,) о правѣ защищать отечество въ рядахъ арміи. Для простого русскаго человѣка всѣ эти вопросы давно разрѣшены: когда необходимо—бабы дѣлаютъ всякую работу, даже мужскую—въ случаѣ чего и за дреколья берутся. Но никто этого не почитаетъ „правомъ", и, когда можно, женщину не отягощаютъ неподходящимъ дѣломъ, зная, что у нея своего дѣла безъ конца; а главное—такого, которое ей поручила сама природа и которое, при всемъ желаніи, переложить на мужчинъ невозможно.

Дозволено цензурою. Москва, 7 декабря 1903 года.

Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и Ко. Москва.

